

УИЛЪЯМ У. ДЖЕЙКОБС

ОБЕЗЬЯНЬЯ
ЛАПКА

Уильям Уаймарк Джейкобс

Обезьянья лапка

Серия «Вселенная Стивена Кинга»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69301540
Обезьянья лапка: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-151576-8

Аннотация

Таинственная обезьянья лапка, зачарованная некогда в Индии могучим факиром, исполняет три любых желания владельца. Но, увы, очередной заполучивший ее в руки легковверный бедолага не подозревает, какую цену придется заплатить за их исполнение...

В сборник вошли и другие произведения Джейкобса, объединенные мистической темой, как серьезные и по-настоящему пугающие, так и ироничные, дразнящие читателя намеками на сверхъестественное, в итоге получающее неожиданное, но вполне реалистичное объяснение; а также озорные, принадлежащие к любимому автором жанру «моряцких баек о чудесах океанских глубин».

Содержание

Обезьянья лапка	5
I	5
II	14
III	19
Джерри Бандлер	25
Дом упокоения	38
Исчезнувший корабль	54
Колодец	63
I	63
II	69
III	77
Кораблекрушение	83
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Уильям Джейкобс

Обезьянья лапка

© Перевод. Э. Бекетов, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Обезьянья лапка

I

За окном стояла холодная сырая ночь, а в небольшой гостиной на вилле «Лабурнум» были задернуты шторы и в камине ярко горел огонь. Отец и сын сидели за шахматами. Отец, обдумывая какую-то мудреную стратегию, совершил неоправданно опасный ход королем, так что даже седая дама, мирно вязавшая у огня, не смогла удержаться от комментария.

– Слышите, как завывает ветер? – произнес мистер Уайт, слишком поздно заметив свою роковую ошибку и горя энтузиазмом отвлечь внимание сына.

– Слышу. – Не отрывая взгляда от доски тот потянулся за фигурой. – Шах!

– Сомневаюсь, что он сегодня придет, – произнес отец, нерешительно делая ход.

– Мат, – ответил сын.

– Нет ничего отвратительнее, чем жить в такой глуши, – с неожиданным напором прокричал мистер Уайт. – Из всех дрянных, слякотных и непроходимых мест это худшее, в котором можно жить. Болото какое-то, а не дорога. Не знаю, о чем там люди думают. Считают, наверное, что раз у дороги

всего два дома, то она и вовсе не нужна!

— Не переживай, дорогой, — попыталась успокоить его жена. — Быть может, в следующий раз выиграешь.

Мистер Уайт быстро посмотрел на нее, как раз вовремя, чтобы заметить, как мать и сын обмениваются понимающими взглядами. Слова, готовые сорваться с губ, так и не прозвучали, и старик виновато улыбнулся в редкую седую бороду.

— А вот и он, — произнес Герберт Уайт, услышав, как хлопнула калитка и чьи-то шаги тяжело ступают по направлению к дому.

Старик поспешно встал и пошел открывать. Из прихожей донеслись его слова сочувствия гостю по поводу трудной дороги. Гость и сам принялся было себя жалеть, но миссис Уайт окликнула их и тихонько кашлянула, и тогда в комнату вошел ее муж, а следом высокий грузный мужчина с маленькими, словно бусинки, глазами и румяными щеками.

— Старший сержант Моррис, — представил гостя мистер Уайт.

Моррис пожал всем руки и, усевшись на предложенное кресло у камина, с удовольствием смотрел, как хозяин достает бокалы и бутылку виски и ставит греться небольшой медный чайник.

На третьем стакане его глаза заблестели, и он заговорил. Маленький семейный круг с интересом наблюдал за этим пришельцем из далеких краев, когда он, расправив широкие

плечи, рассказывал о невероятных событиях и храбрых подвигах, о войнах, чуме и диковинных народах.

— Целых двадцать лет службы, — сказал мистер Уайт, кивнув жене и сыну. — Когда его забрали, он был еще совсем юнцом и работал на складе. А теперь только поглядите на него.

— Чой-то не похоже, чтобы он сильно пострадал, — вежливо вставила миссис Уайт.

— Хотел бы я побывать в Индии, — произнес старик, — так просто, посмотреть страну.

— Лучше там, где вы сейчас, — ответил старший сержант, качая головой. Он поставил пустой бокал, тихо вздохнул и снова покачал головой.

— Мне все-таки хотелось бы посмотреть на старинные храмы, на факиров и фокусников, — не унимался мистер Уайт. — К слову, Моррис, что вы там хотели поведать мне на днях про какую-то обезьянью лапу?

— Ничего, — быстро проговорил тот. — По крайней мере, ничего, что стоило бы услышать.

— Про обезьянью лапу? — с любопытством спросила миссис Уайт.

— Ну, в общем и целом о том, что можно было бы назвать магией, — небрежно ответил старший сержант.

Трое слушателей с нетерпением подались вперед. Гость рассеянно поднес пустой бокал к губам, затем поставил его обратно на стол. Хозяин наполнил его.

— Если так посмотреть, — сказал старшина, роясь в карма-

не, – то это всего лишь обыкновенная лапка, высушенная на солнце.

Он вынул что-то из кармана и протянул слушающим. Миссис Уайт с отвращением отвернулась, но ее сын взял лапку и принялся разглядывать ее.

– Ну и что в ней особенного? – поинтересовался мистер Уайт после того, как принял лапку у сына и, изучив ее, положил на стол.

– Ее заколдовал один старый факир, – ответил старший сержант, – очень праведный человек. Он хотел показать, что жизнью людей управляет судьба, а те, кто пытается ей помешать, делают это себе же во вред. Заклинание позволяет трем разным людям исполнить по три своих желания.

Его рассказ был настолько впечатляющим, что собственный смех показался слушателям неуместным.

– А почему бы вам не загадать желания, сэр? – нашелся Герберт.

Старший сержант посмотрел на него так, как взрослые смотрят на самонадеянную молодежь.

– Я загадывал, – тихо ответил он, и его румяное лицо побледнело.

– И что, эти три желания и правда исполнились? – спросила миссис Уайт.

– Да, – ответил Моррис, стукнувшись зубами о бокал.

– А еще кто-нибудь загадывал желания? – не унималась она.

– Да, человек, который первым держал эту лапу в руках, – произнес он. – Не знаю, каковы были его первые два желания, но в третьем он пожелал своей смерти. Так лапа оказалась у меня.

Тон его звучал настолько серьезно, что в комнате воцарилось гробовое молчание.

– Если вы уже загадали три желания, то, выходит, она вам больше не нужна, Моррис, – сказал наконец старик. – Зачем вы ее храните?

Военный покачал головой.

– Наверное, из прихоти, – медленно проговорил он. – Я подумывал ее продать, но, пожалуй, не буду. Она и так уже принесла достаточно горя. Кроме того, никто ее не купит. Некоторые считают, что это все выдумки, а если кто и верит, то сначала хочет ее опробовать, прежде чем покупать.

– Если бы у вас была возможность загадать еще три желания, – произнес старик, глядя ему в глаза, – вы бы воспользовались ею?

– Не знаю, – ответил тот, – не знаю.

Он взял лапку и, покрутив между пальцами, вдруг бросил ее в огонь. Уайт вскрикнул, нагнулся к камину и вытащил ее.

– Лучше бы ей сгореть, – мрачно констатировал старший сержант.

– Если она вам больше не нужна, Моррис, – сказал тот, – отдайте ее мне.

– Нет, – наотрез отказал ему друг, – я выбросил ее в огонь.

Если вы сохраните ее, не обвиняйте меня в том, что произойдет. Будьте благоразумны, бросьте ее обратно в огонь.

Тот покачал головой и стал внимательно изучать свое приобретение.

– Как это делается? – спросил он.

– Нужно зажать лапу в правой руке и произнести желание вслух. Но помните, я предупреждал вас о последствиях.

– Прямо как в «Тысяче и одной ночи», – заключила миссис Уайт, встав из-за стола и начав накрывать ужин. – Слушай, а может, пожелаем, чтобы у меня было четыре пары рук?

Раздался хохот, но как только мистер Уайт достал из кармана талисман, старший сержант с тревогой схватил старика за руку.

– Если уж и загадывать, – сказал он угрюмо, – то что-нибудь разумное.

Мистер Уайт засунул лапу обратно в карман и, расставляя кресла, пригласил друга к столу. Во время ужина о талисмане все позабыли, а после принялись увлеченно слушать рассказы Морриса про его приключения в Индии.

– Если история про обезьянью лапу такая же правдивая, как все его рассказы, – заявил Герберт, попрощавшись с гостем, который торопился на последний поезд, – то у нас вряд ли что получится.

– А ты дал ему что-нибудь взамен? – спросила миссис Уайт, пристально глядя на мужа.

– Да так, пустяк, – ответил тот, слегка покраснев. – Он не хотел брать, но я настоял. А он снова стал меня уговаривать выбросить лапу.

– Неудивительно, – с напускным ужасом сказал Герберт. – Ну, теперь-то мы станем богаты, знамениты и счастливы. Для начала попроси, чтобы тебя сделали императором, папа; больше не придется быть у мамы под башмаком.

Он обежал стол, спасаясь от обиженной миссис Уайт, которая вооружилась тканевой салфеткой.

Мистер Уайт достал из кармана лапку и посмотрел на нее с недоверием.

– Даже и не знаю, что пожелать, – медленно произнес он. – Кажется, у меня есть все что нужно.

– Если бы ты еще оплатил закладную на дом, папа, то был бы абсолютно счастлив, правда? – проговорил Герберт, кладя руку на плечо отца. – Что ж, тогда пожелай двести фунтов; этого как раз должно хватить.

Мистер Уайт стыдливо улыбаясь собственной доверчивости, вытянул руку с талисманом, а его сын с торжественной миной, слегка искажившейся в момент, когда он подмигнул матери, сел за фортепиано и взял несколько торжественных аккордов.

– Желаю получить двести фунтов, – отчетливо проговорил старик.

В ответ на его слова инструмент издал великолепный грохот, который вдруг прервался пронзительным криком стари-

ка. Сын и жена подскочили к нему.

— Она шевельнулась! — воскликнул он, с отвращением глядя на лапку, которую выронил на пол. — Когда я загадывал двести фунтов, она вдруг стала извиваться, словно змея!

— Я что-то не вижу денег, — проговорил Герберт, поднимая лапку с пола и кладя ее на стол. — Держу пари, что и не увижу.

— Тебе это, наверное, почудилось, — предположила миссис Уайт, с тревогой глядя на мужа.

Тот покачал головой.

— Впрочем, пусть; ничего плохого ведь не случилось, хотя она меня порядком напугала.

Они снова сели у камина; мужчины закурили трубки. За окном все сильнее завывал ветер, и старик нервно вздрогнул от звука захлопнувшейся наверху двери. В комнате воцарилась непривычная гнетущая тишина. Наконец родители поднялись, чтобы идти спать.

— Полагаю, ты найдешь деньги в сумке прямо на кровати, — сказал Герберт отцу на прощание, — а на шкафу будет сидеть какое-нибудь чудище и наблюдать, как ты рассовываешь по карманам незаконно нажитое богатство!

Он сидел один в темноте, смотрел на угасающий огонь и видел в нем лица. Последнее лицо было таким ужасным и так походило на обезьянье, что он изумился. Оно стало таким живым, что он с неловким смешком протянул руку к столу за стаканом воды, намереваясь плеснуть ею в огонь. Случайно прикоснувшись к обезьяньей лапке, он с легкой дрожью

вытер руку о куртку и поднялся к себе в спальню.

II

На следующее утро, завтракая за столом, освещенным ярким зимним солнцем, Герберт посмеялся над своими страхами. В комнате царила привычная атмосфера благообразия, которой не хватало предыдущей ночью, а грязная, сморщенная лапка была небрежно брошена на буфет, что свидетельствовало о том, что в ее достоинства не очень-то верят.

– Полагаю, все старые солдаты одинаковы, – рассудила миссис Уайт. – Боже, и мы еще слушали эту чепуху! Разве могут в наши дни исполняться желания? Даже если и так, каким образом двести фунтов могли бы тебе навредить?

– Наверное, свалились бы на голову, – развязно вставил Герберт.

– Моррис говорил, что все происходит настолько естественно, – вспомнил мистер Уайт, – что может даже показаться, будто бы это всего лишь совпадение.

– Что ж, не вздумай только завладеть деньгами до моего возвращения, – воскликнул Герберт, вставая из-за стола. – Боюсь, это превратит тебя в подлого, скупого человека, и нам придется от тебя отречься.

Мать рассмеялась и, проводив его до двери, смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду. Вернувшись к столу, она порадовалась, что ее муж получил по заслугам за свое легкоеверие. Однако все это не помешало ей броситься к двери,

когда постучался почтальон, а также вспомнить недобрым словом отставных старших сержантов с их тягой к спиртно-му, когда оказалось, что ей пришел лишь счет от портного.

– Полагаю, Герберт не упустит возможности сделать какое-нибудь забавное замечание, когда придет домой, – заметила она мужу, когда они сели обедать.

– Осмелюсь сказать, – отозвался мистер Уайт, наливая себе пива, – что эта штукавина все-таки двигалась у меня в руке. Клянусь!

– Тебе показалось, – ответила миссис Уайт, успокаивая его.

– Да говорю же, что двигалась, – твердил он. – Это вне всяких сомнений. Я просто... В чем дело?

Его жена ничего не ответила. Она наблюдала за таинственным незнакомцем снаружи, который, нерешительно поглядывая на дом, по всей видимости собирался с духом, чтобы войти. Не забыв еще о двухстах фунтах, она заметила, что незнакомец хорошо одет и что на нем совершенно новая шелковая шляпа. Трижды он останавливался у ворот, а затем снова проходил мимо. На четвертый раз он замер, держась за калитку, а затем с внезапной решимостью распахнул ее и двинулся по тропинке. Миссис Уайт в тот же миг убрала руки за спину и, торопливо развязав фартук, положила этот полезный предмет одежды под подушку своего кресла.

Она пригласила незнакомца, который явно чувствовал себя неловко, в комнату. Он пристально смотрел на нее и с оза-

боченным видом слушал, как старушка извиняется за скромное убранство и за истрепавшееся пальто мужа, которое он обычно надевал, работая в саду. Тогда она замолчала, ожидая, что гость объяснит причину своего визита, однако тот почему-то долгое время не решался заговорить.

– Меня... просили зайти, – наконец произнес он и достал из кармана кусок хлопчатобумажной ткани. – Я от «Мо и Мэггинз».

Миссис Уайт вздрогнула.

– Что-то случилось? Что-нибудь с Гербертом? Что с ним? Что с ним? – спросила она, задыхаясь.

Тут вмешался мистер Уайт.

– Ну, успокойся, мать, – торопливо произнес он, – садись и не делай поспешных выводов. Вы не принесли дурных вестей, я уверен, сэр, – добавил он и с тоской посмотрел ему в глаза.

– Мне жаль... – начал гость.

– Он ранен? – чужим голосом спросила мать.

Гость поклонился в знак согласия.

– Был тяжело ранен, – тихо произнес он, – но сейчас ему уже не больно.

– О, слава богу, – воскликнула миссис Уайт, всплеснув руками, – слава богу, слава...

Ее речь вдруг оборвалась на полуслове, когда до нее дошел зловещий смысл этого заверения и она увидела ужасное подтверждение своих опасений на искаженном лице го-

стоя. Чуть дыша, она повернулась к своему мужу и накрыла его ладонь своей дрожащей морщинистой рукой. Наступило долгое молчание.

– Его задавило станком, – наконец тихо произнес гость.

– Задавило станком, – ошеломленно повторил мистер Уайт, – да.

Он сидел, молча глядя в окно и, держа жену за руку, сжимал ее, как в те дни, когда еще только ухаживал за ней, лет сорок тому назад.

– Он был у нас единственный, – повернувшись к гостю, сказал мистер Уайт. – Как это тяжело.

Тот кашлянул, поднялся и медленно подошел к окну.

– Фирма поручила мне принести вам искренние соболезнования в связи с горем, которое постигло вашу семью, – произнес он, не оглядываясь. – Прошу вас понять, что я всего лишь служащий и только выполняю распоряжения.

Ответа не последовало. Лицо миссис Уайт покрылось бледностью, глаза остекленели, дыхания почти не слышалось; выражение лица мистера Уайта, должно быть, было таким же, что и у его друга, старшего сержанта, во время его первого боя.

– Мне поручено передать, что фирма «Мо и Мэггинз» не несет ответственности за случившееся, – продолжал гость, – она снимает с себя все обязательства, связанные с делом, однако, принимая в расчет заслуги вашего сына, она хотела бы предоставить вам некоторую сумму в качестве компенсации.

Мистер Уайт выпустил руку жены и, поднимаясь, с ужасом посмотрел на гостя. С его губ сорвалось лишь:

– Сколько?

– Двести фунтов, – прозвучал ответ.

Не слыша пронзительного крика жены, он слабо улыбнулся, протянул перед собой руки, словно слепой, и без чувств рухнул на пол.

III

Милях в двух, на большом новом кладбище старики похоронили своего единственного сына и вернулись в дом, погруженный во мрак и тишину. Все произошло настолько быстро, что они не сразу осознали это и находились в состоянии ожидания, словно что-то еще должно было случиться, что-то еще, что могло бы облегчить их страдания, которые легли непосильной ношей на их уже немолодые сердца.

Но дни шли, и чувство ожидания сменилось смирением – безнадежным смирением старости, которое иногда неверно называют апатией. Порой они могли не проронить ни слова целый день, потому что теперь им не о чем стало говорить, и дни их тянулись до изнеможения.

Со дня трагедии прошла неделя. Среди ночи мистер Уайт неожиданно проснулся и, протянув руку, не нашел рядом с собой жены. В комнате стояла темень. За окном слышались приглушенные рыдания. Мистер Уайт поднялся и прислушался.

– Иди домой, – сказал он с нежностью, – замерзнешь.

– Сыну холоднее, – ответила старушка и снова заплакала.

Звук ее рыданий становился все тише и тише. Постель была мягкой, а глаза слипались от усталости. Старик погрузился в тревожный сон, как вдруг раздался дикий крик его жены, и он в испуге проснулся.

– Лапа! – кричала она. – Обезьянья лапа!

Он поднялся с кровати.

– Где? Где она? В чем дело? – спросил он ее с тревогой.

Она подошла к нему, пошатываясь.

– Дай ее мне, – тихо произнесла она. – Ты ведь ее не уничтожил?

– Она в гостиной, возле лампы, – с удивлением ответил он. – А зачем она тебе?

Миссис Уайт рассмеялась, наклонилась и поцеловала его в щеку.

– Я просто о ней вспомнила, – истерично ответила она. – Почему я раньше об этом не подумала?

– О чем?

– Об оставшихся двух желаниях, – быстро ответила она. – Мы же загадали только одно.

– Разве его было недостаточно? – гневно спросил он.

– Нет! – торжественно выкрикнула жена. – Мы загадаем еще одно желание. Спустись в гостиную и принеси лапу. Только быстро. Мы загадаем, чтобы наш сын ожил!

Мистер Уайт трясущимися руками отшвырнул в сторону одеяло.

– Да ты с ума сошла! – в ужасе закричал он.

– Принеси ее, – тяжело дыша, приказала она. – Быстро, и загадывай! О-о, мальчик мой...

Мистер Уайт чиркнул спичкой и зажег свечу.

– Ложись лучше в постель, – неуверенно проговорил он. –

Ты сама не понимаешь, о чем говоришь.

– Наше первое желание исполнилось, – возбужденно продолжала миссис Уайт. – Почему бы не загадать второе?

– Просто совпадение, – пробормотал он.

– Возьми лапу и загадай желание! – закричала она, дрожа от возбуждения.

Старик неуверенно взглянул на нее.

– Он уже десять дней как мертв, кроме того... Я бы тебе этого не сказал, но... Я смог узнать его лишь по одежде. Если ты тогда не решилась на него даже взглянуть, что же теперь?

– Верни его, – выкрикнула она и потащила к двери. – Думаешь, я боюсь ребенка, которого сама же вырастила?

Он спустился в темноте и на ощупь добрался сперва до гостиной, затем до каминной полки. Талисман лежал на своем месте. Старика охватил страх, что их искалеченный сын может ожить до того, как он успеет убежать из комнаты. У мистера Уайта перехватило дыхание, когда он обнаружил, что не может в темноте найти дверь из гостиной. Опираясь о стол, затем о стену он нащупал путь в коридор. В руке он сжимал омерзительную лапку.

Войдя в комнату, он заметил, что лицо жены изменилось. Оно преисполнилось ожидания и казалось бледным и необычным. Мистер Уайт даже испугался.

– Загадывай, – закричала она.

– Все это глупо и жестоко, – промямлил было он.

– Загадывай, – повторила она.

Он поднял руку.

– Хочу, чтобы мой сын ожил.

Талисман упал на пол. Мистер Уайт с ужасом уставился на него. Затем он, дрожа, рухнул на стул. Миссис Уайт с горящими глазами подошла к окну и отдернула штору.

Мистер Уайт сидел и смотрел на жену, стоящую у окна, пока не задрожал от холода. Огарок свечи бросал неровный свет на потолок и стены, пока наконец не погас.

С чувством облегчения от того, что попытка не удалась, мистер Уайт забрался обратно в постель. Через несколько минут к нему присоединилась безмолвная жена.

Оба лежали молча, слушая, как тикают часы. Скрипнула лестница, за стеной поскреблась мышь. Темнота действовала угнетающе. Прележав в кровати некоторое время, мистер Уайт собрался с мужеством, взял коробок спичек, зажег одну и спустился.

У подножья лестницы спичка потухла, и он остановился, чтобы зажечь новую. В этот момент в парадную дверь тихо и робко постучали.

Спички выпали из рук мистера Уайта. Он замер, затаив дыхание. Стук повторился. Он развернулся и, быстро вбежав в спальню, закрыл за собой дверь. Стук повторился опять.

– Что это?! – вскричала жена, поднимаясь с кровати.

– Крыса, – дрожащим голосом ответил мистер Уайт. – Крыса. Она пробежала мимо меня, когда я спускался по лестнице.

Жена села и прислушалась. Раздался отчетливый стук в дверь.

– Это Герберт! Герберт!

Она побежала к двери, но муж преградил ей дорогу и, взяв ее за руку, крепко сжал ее.

– Что ты собираешься делать? – хриплым голосом спросил он.

– Это мой мальчик! Это Герберт! – вырываясь, кричала она. – Почему ты меня держишь? Пусти! Я должна открыть дверь!

– Прошу тебя, не пускай его! – трясаясь, взмолился он.

– Ты боишься собственного сына? Пусти меня. Я иду, Герберт! Я иду!

Стук раздался еще раз и еще раз. Наконец миссис Уайт вырвалась и выбежала из комнаты. Муж выбежал к лестнице и окликнул ее с мольбой в голосе, но она не остановилась. Он услышал, как загремела цепочка и медленно заскрежетал нижний засов. Затем раздался голос жены.

– Задвижка! – крикнула она, задыхаясь. – Спустись! Не могу достать!

Но мистер Уайт ползал на коленях по полу, ища лапку. Только бы найти ее до того, как в дом войдут. В дверь забарабанили, и снизу послышалось, как миссис Уайт придвигает к входной двери стул. Задвижка со скрипом поддалась, и в тот момент он нащупал лапку и загадал третье желание.

Стук неожиданно прекратился, хотя его эхо все еще раз-

давалось по всему дому. Он услышал, как стул отодвинули и открылась дверь. В дом задул холодный ветер, и раздался громкий и протяжный крик миссис Уайт, полный разочарования и горя, что придало ему силы выбежать к ней, а затем и к калитке. Фонарь, мерцающий на другой стороне дороги, бросал свет на тихую пустую улицу.

Джерри Бандлер

До Рождества оставалось всего несколько дней, и жители маленького рыночного городка Торчестер усердно готовились к празднику. Узкие улочки, обычно заполненные людьми, были почти пусты. Торговец мелочами из Лондона, еле дыша от усталости, пытался задуть свою керосиновую лампу, а последние еще работающие лавки одна за другой закрывались на ночь.

В уютной столовой старой гостиницы «Голова борова» полдюжины постояльцев, в основном коммивояжеров, удобно устроились у камина и вели беседу. Беседа их плавно перетекала от торговли к политике, от политики к религии, и так речь непринужденно зашла о сверхъестественном. Три страшные истории, всегда пользовавшиеся популярностью, так никого и не напугали: на улице было слишком шумно, а в столовой – слишком светло. Четвертая рассказанная знатоком история имела большой успех: уличный шум стих, и рассказчик погасил свет в гостиной. В мерцании пламени камина, которое отражалось в стеклах очков и пританцовывало с тенями на стенах, история настолько увлекла слушателей, что официант по имени Джордж, о котором все забыли, несколько подпортил впечатление, резко выскочив из темного угла и покинув комнату.

– Вот это отличная история, – воскликнул один из гостей,

потягивая горячий виски. — Конечно, история о духах среди людей стара как мир. Как-то раз один человек поведал мне о том, как он, путешествуя по Западной железной дороге, оказался в одном купе с призраком и не догадался об этом, пока кондуктор не стал проверять билеты. Мой приятель все говорил, что призрак пытался соблюсти приличия и принялся искать билет в карманах и на полу, и это весьма тронуло моего друга. В конце концов призрак оставил свою затею и со стоном вылетел в форточку.

— Довольно, Херст, — сказал другой.

— Шутки здесь неуместны, — заявил невысокий пожилой джентльмен, внимающий происходящему. — Я сам не видел призраков, но знаю тех, кому удалось, и, полагаю, что привидения существуют между земной и загробной жизнью. Чтобы вы знали, и с этим домом связана история о призраках.

— Никогда не слышал, — ответил другой гость, — а я здесь уже давно.

— Много воды утекло с тех пор, — заметил пожилой джентльмен. — Джордж, вы слыхали о Джерри Бандлере?

— Всякую чепуху, сэр, — ответил ему пожилой официант, — но я никогда не придавал ей значения. Работал тут один малый, который твердил, что видел привидение, но управляющий в два счета его уволил.

— Мой отец родился в этом городе, — произнес пожилой джентльмен, — и хорошо помнил эту историю. Он был праведным человеком и честным прихожанином церкви, но он

рассказывал, что однажды видел призрак Джерри Бандлера в этом доме.

— И кто такой этот Бандлер? — слышался чей-то голос.

— Лондонский вор, карманник, разбойник — промышлял всем, чем мог, — ответил пожилой джентльмен. — Здесь, в этом доме, его и обнаружили на Рождество лет восемьдесят тому назад. Он в последний раз поужинал в этой самой гостиной, а потом, когда лег спать, пара ищеек с Боу-стрит, которые преследовали его с самого Лондона, но слегка сбились со следа, поднялись наверх с хозяином и попытались открыть дверь. Она была из прочного дуба и не поддавалась, так что один из них вышел во двор и вскарабкался по короткой лестнице на подоконник, пока остальные ждали у двери. Люди во дворе увидели человека, сидящего на подоконнике, затем слышался звон разбитого стекла, и он с криком упал на кучу камней у их ног. Тотчас в свете луны они увидели бледное лицо преступника, выглянувшего из окна. И пока кто-то ждал внизу, остальные ринулись в дом и помогли другому сыщику взломать дверь. Дверь поддавалась с трудом, ведь вход заставили громоздкой мебелью, но как только они смогли войти, первое, что бросилось им в глаза, это труп Джерри, повесившегося на своем собственном платке на раме кровати.

— В каком номере? — произнесли два или три голоса одновременно.

Рассказчик покачал головой.

– Этого я вам не скажу. Но в истории говорится, что дух Джерри все еще обитает в этом доме, и мой отец утверждал, что в последний раз, когда он ночевал здесь, дух Джерри Бандлера спустился с рамы его кровати и попытался его придушить.

– Довольно, – услышался тревожный голос. – Надеюсь, вы спросили отца, в какой комнате это произошло?

– Зачем? – удивился пожилой джентльмен.

– Ну, чтобы я держался от нее подальше, только и всего, – последовал резкий ответ.

– Бояться нечего, – ответил тот. – Не верю, что призрак действительно мог бы кому-то навредить. Мой отец не раз признавался, что, хотя чувство, которое он испытал, было ему неприятно, пальцы Джерри казались ему мягче ваты и едва ли могли нанести вред.

– Очень хорошо, – вновь сказал предыдущий гость. – Призраки призраками, сэр, но совсем не пристало джентльмену рассказывать страшную историю в доме, в котором кто-то останется на ночлег.

– Что за вздор! – ответил пожилой джентльмен, поднимаясь с места. – Призраки не способны причинить вам вреда. Я лично не прочь встретить привидение. Доброй ночи, джентльмены.

– Доброй ночи, – ответили остальные.

– Очень надеюсь, что Джерри навестит вас, – добавил нервный джентльмен, когда дверь закрылась.

– Джордж, принесите еще виски, – произнес полный коммивояжер. – В таких разговорах всегда нужно держать ухо востро.

– Не прикажете ли зажечь свет, мистер Малькольм? – спросил Джордж.

– Нет, нам удобно при свете камина, – ответил коммивояжер. – Что ж, джентльмены, кто-нибудь знает другие истории?

– Хватит с нас историй, – заявил другой, – мы все ожидаем встречи с призраками, только не все мы такие храбрые, как тот пожилой джентльмен.

– Вот старый хмырь! – пробурчал Херст. – Я бы хотел испытать его на прочность. Может, я наряжусь Джерри Бандлером, пойду к нему и предоставлю ему возможность проявить храбрость на деле?

– Bravo! – хрипло ответил Малькольм, заглушая пару протестующих голосов. – Шутки ради, джентльмены.

– Не надо! Перестаньте, Херст, – возразил было кто-то.

– Только в шутку, – произнес Херст с некоторым воодушевлением. – В моем номере есть несколько предметов одежды, в которых я собираюсь играть в «Соперниках»: бриджи до колен, пряжки и тому подобное. Это редкий случай. Если вы соизволите немного подождать, я дам вам костюмированное представление, озаглавленное «Джерри Бандлер, или Ночной удушитель».

– Вам нас не испугать, – сказал коммивояжер, хрипло сме-

ясь.

– Ну, не знаю, – отрезал Херст, – дело лишь в актерском мастерстве. Я хороший актер, не так ли, Сомерс?

– Прекрасный – для любителя, – засмеялся его приятель.

– Готов поспорить, что вы меня не напугаете, – заявил полный коммивояжер.

– Идет! – ответил Херст. – Бьюсь об заклад, что сначала напугаю вас, а потом пожилого джентльмена. А эти джентльмены будут нам судьями.

– Вы нас не напугаете, сэр, – сказал другой человек, – ведь мы уже знаем о ваших намерениях, но лучше оставьте старика в покое. Это опасная затея.

– Что ж, попробуем на вас, – вскочив с места, ответил Херст. – Только погасите свет.

Он легко поднялся в свой номер, пока остальные, разгоряченные виски, спорили о его затее. Двое из них пошли спать.

– Он без ума от сцены, – заявил Сомерс, закуривая трубку. – Думает, что наравне с великими. Нам все равно, но я не позволю ему дурачить старика. И он не будет возражать, если сыграет только перед нами.

– Ну, пусть поспешит, – зевнул Малькольм, – уже поздно.

Прошло около тридцати минут. Малькольм достал часы из кармана и принялся их заводить, когда Джордж, официант, которого отправили в бар, неожиданно влетел в гостиную и подбежал к постояльцам.

– Идет, джентльмены, – произнес он, едва дыша.

— Да вы напуганы, Джордж, — посмеиваясь, ответил полный коммивояжер.

— Я и сам не ожидал, — смущенно отозвался Джордж. — Кроме того, я не знал, что он в баре. Там почти нет света, а он сидел на полу за барной стойкой. Я чуть на него не наступил.

— Ах, вы так никогда и не повзрослеете, Джордж, — пожурил его Малькольм.

— Он застал меня врасплох, — ответил официант. — Впрочем, я бы и не пошел туда, зная, что он там, и думаю, что вы бы сделали то же самое, сэр.

— Чепуха, — заявил Малькольм, — пойду и приведу его.

— Вы не знаете, что это такое, сэр, — сказал Джордж, хватая его за рукав. — На него просто так и не взглянешь. У него... Что это?

Все вздрогнули, когда услышали приглушенный крик с лестницы и звук чьих-то поспешных шагов по коридору. Никто не успел произнести и слова, как дверь распахнулась и в гостиную влетел человек, тяжело дыша и дрожа всем телом.

— Что это? Что случилось? — спросил Малькольм. — А, это мистер Херст.

Малькольм грубо встряхнул его, а затем поднес стакан к его губам. Херст жадно выпил содержимое и, сделав глубокий вдох, схватил его за рукав.

— Зажгите свет, Джордж, — попросил Малькольм.

Официант поспешил исполнить приказание. Херст, смешной и жалкий в своих бриджах и сюртуке, в огромном,

сбившемся набок парике и с размазанным по лицу гримом, дрожал всем телом, вцепившись в руку коммивояжера.

– Ну и в чем дело? – поинтересовался у него Малькольм.

– Я его видел, – ответил Херст, судорожно всхлипывая. – Боже, я больше никогда не буду так дурачиться, никогда!

– Кого видел? – засуетились остальные.

– Его, его – призрака, привидение, что бы это ни было! – бешено выпалил Херст.

– Вздор! – с тревогой произнес Малькольм.

– Я спускался по лестнице, – начал Херст, – вприпрыжку, как, впрочем, и полагается привидению. И тут я почувствовал, как меня хлопнули...

Он вдруг замолчал и нервно выглянул в коридор через открытую дверь.

– Кажется, что я снова его увидел, – прошептал он. – Смотрите, у подножия лестницы. Что-нибудь видите?

– Нет, там ничего нет, – ответил Малькольм слегка дрожащим голосом. – Продолжайте. Вам показалось, что вас хлопнули по плечу.

– Я обернулся и увидел эту маленькую зловещую голову и мертвецки бледное лицо. Бр-р!

– То же, что я видел в баре, – подтвердил Джордж. – Ужасное, дьявольское.

Херст вздрогнул и, все еще нервно цепляясь за рукав Малькольма, опустился в кресло.

– Что же, довольно непонятно, – произнес ошеломленный

Малькольм, обращаясь к остальным. — Ноги моей здесь больше не будет.

— Я завтра же увольняюсь, — сказал Джордж. — Не пойду больше в бар в одиночку, даже за пятьдесят фунтов не пойду!

— Полагаю, мы вызвали его нашими разговорами, — заявил один из постояльцев. — Мы все о нем говорили и представляли его в нашем воображении. Мы создали спиритический круг, не подозревая об этом.

— Черт бы побрал этого старика, — с жаром бросил Малькольм. — Ей-богу, мне теперь страшно вато ложиться спать. И почему только им обоим кажется, что они что-то видели?

— Я видел его точно так, как вижу вас сейчас, сэр, — серьезно возразил Джордж. — Если будете смотреть в коридор, наверняка его разглядите.

Взгляд остальных устремился за его пальцем, но они ничего не увидели, хотя одному почудилась голова, выглянувшая из-за угла.

— Кто пойдет посмотреть в бар? — спросил Малькольм, оглядываясь по сторонам.

— Идите, если хотите, — сказал один из постояльцев со смешком. — А мы вас здесь подождем.

Полный коммивояжер прошел к двери и шагнул в коридор. Затем остановился. Повсюду царила тишина, и он медленно прошел до конца коридора, с опаской взглянув на стеклянную стенку, отделяющую бар. Трижды он будто бы собирался подойти к ней, затем повернулся и, оглядываясь

через плечо, поспешил назад в гостиную.

– Вы видели его, сэр? – прошептал Джордж.

– Не пойму, – резко ответил Малькольм, – показалось, что я что-то увидел, но, возможно, у меня разыгралось воображение. Я не в настроении сейчас что-либо рассматривать. Как вы себя чувствуете, сэр?

– О, теперь уже лучше, – несколько грубо ответил Херст, когда все взоры устремились на него. – Полагаю, вы думаете, что меня легко напугать, но вы его просто не видели.

– Совсем нет, – ответил Малькольм, невольно улыбнувшись.

– Я иду спать, – сказал Херст с отвращением, заметив его улыбку. – Вы можете остаться со мной, Сомерс?

– С удовольствием, – ответил его приятель, – если вы не прочь всю ночь спать при свете лампы.

Он встал с места и, пожелав компании доброй ночи, покинул остальных в сопровождении своего удрученного друга. Остальные увидели их у подножия лестницы и, услышав, как за ними закрылась дверь, вернулись в гостиную.

– Судя по всему, пари не состоялось, – заявил полный коммивояжер, вороша угли в камине и поднимаясь на ноги. – Хотя, насколько вижу, победа за мной. Никогда я прежде не видел более напуганного человека. Получил по заслугам, так сказать.

– Хватит с нас этих игр, – сказал один из слушателей, –

кто будет ночевать со мной в номере?

– Я, – учтиво ответил Малькольм.

– Полагаю, мы с вами соседи, мистер Лик? – спросил третий гость, поворачиваясь к другому.

– Нет уж, увольте, – резко ответил тот. – Я не верю в призраков. Если кто-то зайдет ко мне в номер – пристрелю на месте.

– Ну, призраку это будет нипочем, – решительно заметил Малькольм.

– Тогда шум выстрела составит мне компанию, – отрезал Лик, – и к тому же разбудит весь дом. Но если вы переживаете, сэр, – обратился он с ухмылкой к гостю, который предложил ночевать вместе, – Джордж будет счастлив провести ночь на рогожке у двери в вашем номере.

– Несомненно, сэр, – с жаром отозвался Джордж, – и я был бы премного благодарен вам, джентльмены, если бы вы спустились со мной в бар, чтобы погасить свет.

Постояльцы отправились в бар, осторожно вглядываясь вперед – все, кроме Лика. Джордж погасил свет, и они вернулись в гостиную невредимыми, после чего, стараясь не обращать внимания на язвительную ухмылку Лика, стали распределяться на ночлег.

– Дай мне свечу, когда будешь гасить свет, – попросил коммивояжер.

Официант передал ему свечу и погасил свет, и в тот же момент все услышали шаги в коридоре снаружи. Они затих-

ли у двери, и, пока постояльцы выжидали, затаив дыхание, дверь заскрипела и медленно открылась. Малькольм отпрянул назад, открыв рот, и бледное ухмыляющееся лицо с провалившимися глазами и коротко стриженной головой показалось в открытой двери.

Несколько секунд существо стояло и внимательно разглядывало их, странно моргая при свете свечи. Затем оно боком проскользнуло в комнату и, словно в недоумении, замерло на месте.

Никто не мог вымолвить и слова или шелохнуться, и все с благоговейным ужасом наблюдали за тем, как существо сняло с шеи грязный платок, после чего его голова перекатилась на плечо. Оно замерло на мгновение, а затем, держа перед собой тряпку, двинулось к Малькольму.

Вдруг свеча погасла, мелькнула вспышка и раздался хлопок. Запахло порохом, и нечто упало, извиваясь на полу в темноте. Приглушенный удушающий кашель, а затем – тишина. Малькольм заговорил первым.

– Спички, – сказал он не своим голосом.

Джордж зажег спичку. Затем он подбежал к лампе и зажег ее. Малькольм потрогал носком башмака лежащий на полу предмет и почувствовал что-то мягкое. Он посмотрел на своих спутников. В их глазах читался немой вопрос, но он лишь покачал головой. Малькольм зажег свечу и, опустившись на корточки, рассмотрел предмет на полу. Затем он резко встал и, намочив свой носовой платок в кувшине воды, вновь на-

клонился и с мрачным видом вытер белое лицо. Вдруг он резко отскочил назад, закричав от ужаса и недоверия, указывая на тело. Пистолет Лика упал на пол, и он закрыл лицо руками, в то время как остальные, выйдя вперед, словно зачарованные, смотрели на лицо покойного Херста.

Никто и слова не успел сказать, как в комнату вбежал Сомерс. Его взгляд упал на пол.

– Боже правый, – закричал он, – вы же не...

Никто не ответил.

– Я его предупреждал, – твердил он, задыхаясь. – Я его предупреждал. Я его...

Мертвенно-бледный, он прислонился к стене, бессильно вытянул перед собой руки и упал в обморок на подхватившего его коммивояжера.

Дом упокоения

– Все это вздор, – сказал Джек Барнс. – Естественно, в этом доме умирали люди – люди уходят из жизни в каждом доме. Что же касается шума, то ветер, воющий в трубе, и крысы, шныряющие за обшивкой, могут произвести впечатление на любого нервного человека. Налейте мне еще чашку, Миггл.

– Сперва Лестеру и Уайту, – ответил Миггл, председательствовавший за чайным столом в гостинице «Три пера». – Вы уже выпили две.

Лестер и Уайт допили чай с раздражающей медлительностью, делая перерывы между глотками, чтобы вдохнуть аромат... Миггл долил их чашки до краев и, обратившись к настойчиво ожидающему Барнсу, любезно попросил его позвонить, чтобы принесли еще кипятку.

– Мы будем стараться сберечь ваши нервы, – отметил он. – Если же вы спросите моего мнения, то я в некоторой степени верю в сверхъестественное.

– Все разумные люди верят, – подтвердил Лестер. – Моя тетка однажды видела привидение.

– И мой дядя видел, – кивнул ему Уайт.

– И вечно их наблюдает кто-нибудь другой, – стоял на своем Барнс.

– Что ж, вот вам дом, – начал Миггл, – огромный дом, ко-

торый сдают за нелепо низкую цену, но никто не хочет его арендовать. По крайней мере один человек из каждой семьи, проживавшей в нем, – сколь бы кратким ни был этот срок – нашел там свое упокоение; а с тех пор, как он пустует, в нем один за другим умирали сторожа. Последний скончался пятнадцать лет назад.

– Вот именно, – отрезал Барнс. – Достаточно давно, чтобы успеть накопиться легендам.

– Держу пари на один фунт, что в одиночку вы не проведете там и ночи, что бы вы там ни говорили, – заявил вдруг Уайт.

– Поддержу, – добавил Лестер.

– Нет! – медленно произнес Барнс. – Я не верю в привидения или во всякое сверхъестественное; тем не менее я должен признаться, что мне было бы неприятно ночевать в этом доме одному.

– Почему же? – не унимался Уайт.

– Воет ветер, – ухмыльнулся Миггл.

– Шныряют крысы, – подхватил Лестер.

– Да хоть бы и так, – сказал Барнс, краснея.

– А что, если мы все пойдем? – предложил Миггл. – Отправимся после ужина и будем там около одиннадцати. Уже десять дней мы гуляем без приключений – если не считать сделанного Барнсом открытия, что запах стоячей воды сохраняется дольше прочих. По крайней мере, в этом будет новизна, а если мы разрушим чары, оставшись в живых все

вчетвером, то благодарный владелец дома должен будет нас щедро наградить.

– Сначала послушаем, что нам расскажет хозяин гостиницы, – заключил Лестер. – Совсем не интересно провести ночь в обыкновенном пустом доме. Удостоверимся сперва, что в нем действительно водится нечистая сила.

Он позвонил и, послав за хозяином, обратился к нему с просьбой: во имя любви к человечеству не допустить их ночлега в доме, где нет ни привидений, ни домовых. Ответ был более чем обнадеживающим, и хозяин, в деталях описав, как выглядела голова, которую он однажды видел в окне дома при лунном свете, вежливо, но твердо попросил заплатить по счету прежде, чем они уйдут.

– Разумеется, нет ничего дурного в том, что вы, молодые люди, веселитесь, – снисходительно заметил он. – Но что если вас всех найдут мертвыми на следующее утро, что тогда мне, скажите на милость, делать? Недаром же этот особняк прозвали домом упокоения!

– Кто умер там последним? – с вежливой издевкой поинтересовался Барнс.

– Бродяга, – был ему ответ. – Он пошел туда ночевать за полкроны, а наутро его нашли повисшим на перилах лестницы, уже покойником.

– Самоубийство, – предположил Барнс. – Нервнобольной. Хозяин кивнул.

– Так и постановили присяжные, – медленно произнес

он, — да только он был совершенно здоров, когда туда входил. Мы общались с ним время от времени в течение многих лет. Я человек бедный, но и за сотню фунтов не согласился бы провести в этом доме ночь.

Он повторил эти слова еще раз, прощаясь с безумцами несколько часов спустя. Гостиницу уже закрывали на ночь; за спиной лязгнули засовы, и в то время, как завсегдатаи расходились по своим углам, приятели быстро шагали по направлению к особняку. В большинстве домиков уже было темно, в остальных же гаснул свет, стоило лишь пройти мимо.

— Довольно жестоко лишать нас ночного отдыха только ради того, чтобы убедить Барнса в существовании привидений, — пожаловался Уайт.

— Ничего, — возразил Миггл. — Цель в высшей степени благородная, и что-то мне подсказывает, что наши старания увенчаются успехом. Вы захватили свечи, Лестер?

— Я взял две. Больше у старика не нашлось.

Луна была неполная, небо покрыто облаками. Дорога, окаймленная высокими живыми изгородями, едва виднелась, а в лесу стояла такая тьма, что путники два раза споткнулись о кочки у края тропы.

— Подумать только, ведь мы оставили ради этой авантюры уютные постели! — не унимался Уайт. — Как мне кажется, это пресловутое жилище-усыпальница правее?

— Да, немного дальше, — сказал Миггл.

Некоторое время они шли молча, и разве что Уайт нарушал тишину, вознося оды мягким, чистым и уютным кроватям, от которых приятели все больше удалялись. Под руководством Миггла они в конце концов повернули направо и, пройдя с полкилометра, увидели перед собой ворота дома.

Сторожку почти целиком скрывали разросшиеся кусты, а подъезд поглотила буйная растительность. Следуя за Мигглом, путники продирались вперед, пока в тумане не возникли смутные очертания огромного здания.

– Сзади есть окно, через него можно залезть внутрь. По крайней мере, так говорил хозяин гостиницы, – сказал Лестер, остановившись вместе с другими перед парадной дверью.

– Окно? – прервал его Миггл. – Вздор! Надо все делать как полагается. Где дверной молоток?

Он нащупал его в темноте и трижды ударил.

– Не валяйте дурака! – рассердился Барнс.

– Все слуги-призраки уснули, – возвестил Миггл, – но я их сперва разбужу, а уже потом с ними покончу. Возмутительно, что нас так долго держат здесь во тьме.

Он опять налег на молоток, и удары далеко и гулко разнеслись в пустоте за дверью. Но вдруг, протянув руки, он с громким восклицанием подался вперед и чуть не упал.

– Да она все время была открыта, – произнес он с надрывом в голосе. – Идем!

– Я не верю, что ее оставили отпертой, – усомнился Ле-

стер, отступая. – Кто-то над нами подшучивает.

– Вздор! – отрезал Миггл. – Дайте мне свечу. Благодарю. У кого есть спички?

Барнс вынул из кармана коробок и зажег свечу. Миггл, защищая пламя рукой, двинулся вперед к нижней площадке лестницы.

– Кто-нибудь закройте дверь, – попросил он, – очень дует!

– Она закрыта, – ответил ему Уайт, взглянув назад.

Миггл коснулся пальцами подбородка.

– Кто ее закрыл? – не унимался он, переводя взгляд с одного на другого. – Кто вошел последним?

– Я, – ответил Лестер, – но я не помню, чтобы я закрывал... впрочем, мог и закрыть.

Миггл хотел было что-то сказать, но раздумал и, продолжая тщательно защищать пламя рукой, начал осмотр дома вместе с остальными. Тени прыгали по стенам и прятались в углах по мере того, как приятели шли вперед. В конце коридора они нашли еще одну лестницу и, медленно поднявшись, оказались на втором этаже.

– Осторожно! – предупредил Миггл, дойдя до верхней площадки.

Он поднял свечу и все увидели перила, часть их оказалась отломанной. Затем он с любопытством глянул вниз.

– Полагаю, именно здесь повесился тот бродяга, – сказал он задумчиво.

– У тебя нездоровое воображение, – отметил Уайт, когда

они двинулись дальше. — Здесь достаточно жутко и без твоих напоминаний. Что ж, давайте отыщем удобную комнату, выпьем по глотку виски и выкурим по трубке. Как вам идея?

Он открыл дверь в конце коридора в маленькую квадратную комнату. Миггл устремился вперед со свечой и, накапав расплавленного стеарина, приткнул ее к каминной полке. Остальные сели на пол, с удовольствием наблюдая, как Уайт достает из кармана маленькую бутылку и жестяную чашку.

— Гм! Я забыл воду, — воскликнул он.

— А вот я велю сейчас ее принести, — сказал Миггл.

Он с силой дернул ручку звонка, и где-то вдалеке раздалось дребезжание ржавого колокольчика. Он опять позвонил.

— Не дурачьтесь! — сказал Барнс сердито.

Миггл засмеялся:

— Я только хотел вас убедить! Должно же быть в людской хоть одно привидение.

Барнс поднял руку, призывая к молчанию.

— Что такое? — ухмыльнулся Миггл, глядя на Лестера и Уайта. — Кто-нибудь идет?

— А что, если мы бросим эту игру и вернемся домой? — предложил вдруг Барнс. — Я не верю в привидения, но наши нервы нам неподвластны. Вы можете смеяться сколько вам угодно, но мне действительно показалось, будто внизу открылась дверь и слышались шаги на лестнице.

Его слова заглушил взрыв хохота.

– Он начинает сдаваться! – подмигнул остальным Миггл. – Когда я с ним покончу, он будет убежденным верующим. Ну, кто же пойдет и принесет воды? Может быть, вы, Барнс?

– Нет, – ответил тот.

– Если вода и была в доме, то после стольких лет она, вероятно, не годится для питья, – сказал Лестер. – Придется обойтись без нее.

Миггл кивнул и, усевшись на пол, протянул руку за чашкой. Закурили трубки, в комнате распространился аромат хорошего табака. Уайт вынул из кармана колоду карт; разговоры и смех отзывались в комнате и с неохотой затихали в отдаленных коридорах.

– Пустые комнаты всегда приводят к странной мысли – что у меня неплохой бас, – сказал Миггл. – Завтра я...

Он вскочил, приглушенно вскрикнув: внезапно погас свет, и что-то ударило его по голове. Вскочили и остальные. Мгновение спустя Миггл засмеялся.

– Это свеча! – воскликнул он. – Я недостаточно крепко ее прилепил.

Чиркнув спичкой, Барнс заново зажег свечу, поставив ее на полку, сел и опять взялся за карты.

– Что я хотел сказать? – припоминал Миггл. – Ах, да, завтра я...

– Слышите? – остановил его Уайт, взяв за рукав. – Честное слово, мне показалось, что кто-то засмеялся.

– Говорю же, – снова начал Барнс. – Нам надо вернуть-ся! С меня довольно. Мне все кажется, что я тоже слышу какие-то звуки в коридоре. Я знаю, что это только мерещится, но, как бы то ни было, мне не по себе.

– Можете идти, если хотите, – ответил ему Миггл, – мы будем играть в дурака с болваном¹. Или попросите призрак того бродяги сесть за вас, когда будете спускаться с лестницы.

Барнс вздрогнул и сердито кашлянул. Он встал и, подойдя к полуприкрытой двери, стал прислушиваться.

– А вы выйдите, – в шутку предложил Миггл, подмигнув остальным. – Дойдите в одиночку до парадной и обратно.

Барнс отошел от двери и, наклонившись, прикурил трубку от свечи.

– Я встревожен, но голова на плечах у меня есть, – сказал он, выпуская полупрозрачное облако дыма. – Нервы подсказывают, что снаружи что-то рыщет по длинному коридору; разум же говорит мне, что все это просто вздор. Где мои карты?

Он опять сел, поднял свои карты и, просмотрев их, сделал ход.

– Ваша очередь, Уайт, – напомнил он после заминки. Уайт не откликнулся.

– Да он заснул! – воскликнул Миггл. – Просыпайтесь, ста-

---

¹ Дурак с болваном – карточная игра, в которой принимает участие «несуществующий игрок». – *Прим. ред.*

рина. Просыпайтесь и ходите!

Лестер, который сидел рядом, взял спящего за руку и начал его трясти, сначала тихо, а затем довольно энергично; однако Уайт, который прислонился к стене и опустил голову, не отзывался. Миггл рявкнул ему прямо в ухо и только затем повернулся к остальным с озадаченным видом.

– Спит, как убитый! – сказал он, гримасничая. – Ну что ж, мы втроем все еще можем составить друг другу компанию.

– Да, – кивнул ему Лестер. – Если только... О господи! Вдруг...

Он смолк и взглянул на спутников с опаской.

– Что вдруг? – переспросил Миггл.

– Ничего, – запнулся Лестер. – Давайте разбудим его. Попробуйте еще раз. Уайт! Уайт!

– Дело плохо, – произнес Миггл. – С этим внезапным сном что-то не так.

– Это я и хотел сказать, – подхватил Лестер, – и если он так и будет спать, что тогда?

Миггл вскочил на ноги.

– Вздор! – отрезал он, – просто он устал, и только. И все же давайте поднимем его и уберемся отсюда. Возьмите его за ноги, а Барнс пойдет впереди и будет нам светить. Да? Кто там?

Он поднял голову и быстро взглянул по направлению к двери.

– Мне показалось, что кто-то постучал, – произнес он с

застенчивым смешком. – Ну, Лестер, берите его. Раз, два... Лестер! Лестер!

Он бросился вперед, но слишком поздно: Лестер, закрыв лицо руками, свалился, как подкошенный, на пол, крепко уснув, и как бы отчаянно Мигл ни пытался, ему не удалось разбудить приятеля.

– Он... заснул, – пробормотал Миггл, – заснул!

Барнс, который успел взять свечу с каминной полки, молча уставился на спящих, капая стеарином на пол.

– Нужно убираться отсюда, – говорил Миггл. – Живо!

Барнс замешкался.

– Мы не можем их здесь оставить, – возразил он.

– Нужно! – прикрикнул на него Миггл. – Если и вы заснете, я останусь один! Ну же! Скорее!

Он схватил Барнса за руку, пытаясь оттащить в сторону двери. Барнс оттолкнул его и, поставив свечу обратно на полку, снова попробовал разбудить спящих.

– Ничего не выходит! – воскликнул он наконец и повернулся к ним спиной, следя за действиями Миггла. – Не смейте засыпать! – добавил он с тревогой.

Миггл покачал головой, и на некоторое время они застыли в неловком молчании.

– Можно хотя бы затворить дверь, – наконец сказал Барнс.

Он подошел и осторожно закрыл ее. За его спиной раздался шум, и, обернувшись, он увидел Миггла, рухнувшего на плиту перед камином.

У него перехватило дыхание, и он замер на месте. Огонь свечи в комнате, колеблясь от сквозняка, освещал в полумраке нелепые фигуры спящих. За дверью, как показалось перенапряженному воображению Барнса, слышалось таинственное, едва уловимое движение. Он попытался было свистнуть, но губы его пересохли, и, машинально нагнувшись, он начал подбирать карты, разбросанные по полу.

Раз или два он замирал и, пригнувшись, прислушивался. Казалось, что шорох снаружи становится все отчетливее; на лестнице раздался громкий скрип.

– Кто там?! – выкрикнул он.

Все стихло. Он подошел к двери и, распахнув ее настежь, вышел в коридор. И вдруг испуг его исчез.

– Ну же! – выкрикнул он, посмеиваясь. – Все вы! Все вы! Покажите свои лица, свои проклятые, уродливые лица! Куда вы все попрятались?!

Он глухо рассмеялся и пошел дальше. Фигура, сгрудившаяся перед камином, вытянула голову, словно черепаха, и в ужасе прислушалась к удаляющимся шагам. Лишь когда они окончательно стихли, напряженные черты лица смягчились.

– Боже правый, Лестер, мы свели его с ума, – испуганно прошептал он. – Нужно за ним пойти.

Ответа не последовало. Миггл вскочил на ноги.

– Слышите? – закричал он. – Довольно дурачиться, дело плохо!.. Уайт! Лестер! Слышите?

Он наклонился и принялся в сердитом недоумении их

осматривать.

– Ну хорошо, – произнес он дрожащим голосом. – Знайте же, вам меня не напугать.

Поднявшись, он развернулся и с напускным равнодушием двинулся по направлению к двери. Миггл даже вышел в коридор и посмотрел оттуда в щелку, но спящие так и не шевельнулись. Он оглянулся на темноту, окружавшую его, и поспешно вернулся в комнату.

Несколько секунд Миггл простоял, всматриваясь в спящих. В доме воцарилась жуткая тишина; он даже не слышал их дыхания. С внезапной решимостью он схватил свечу с камина и поднес пламя к пальцу Уайта. И в тот момент, когда он в изумлении отшатнулся, снаружи вновь слышались шаги.

Миггл держал дрожащей рукой свечу и напрягал слух. Кто-то поднялся по дальней лестнице, но стоило ему подойти к двери, как все стихло. Он снова сделал несколько шагов по коридору, и тогда кто-то проворно спустился по лестнице и трусцой побежал по нижнему этажу. Миггл вернулся к главной лестнице, и звуки опять смолкли.

Он облокотился на перила и некоторое время всматривался во мглу на первом этаже, прислушиваясь; затем медленно, шаг за шагом проделал путь вниз, поднял свечу над головой и огляделся.

– Барнс! – крикнул он. – Где вы?

Дрожа от страха, Миггл направился по коридору и, на-

бравшись смелости, принялся одну за другой распахивать двери, с ужасом заглядывая в пустые комнаты. И вдруг впереди послышался звук шагов.

Миггл медленно последовал за ними, боясь, как бы свеча не погасла, и наконец оказался в пустой просторной кухне с отсыревшими стенами и проломанным полом. Только он вошел внутрь, как дверь, ведущая в боковую комнату, затворилась. Он бросился к ней и распахнул. Холодный ветер задул свечу, и он в ужасе замер.

– Барнс! – закричал он опять. – Не бойтесь! Это же я, Миггл!

Ему никто не ответил. Он остановился, вглядываясь в темноту и все время чувствуя, что кто-то стоит около него и наблюдает. Вдруг шаги опять раздались над головой.

Миггл поспешил назад и, пройдя через кухню, стал пробираться по узким коридорам. Теперь он мог лучше видеть в темноте и, оказавшись наконец у подножия лестницы, начал бесшумно подниматься. Он вышел на площадку как раз вовремя, чтобы увидеть, как фигура исчезает за углом стены. Осторожно, стараясь не шуметь, он пошел на звук шагов, пока они не привели его на верхний этаж, и в конце короткого прохода загнал своего преследователя в угол.

– Барнс! – прошептал он. – Барнс!

Что-то зашевелилось в темноте. Маленькое круглое окошко в конце коридора чуть смягчило черноту и высветило смутные очертания неподвижной фигуры. Вместо того что-

бы сделать шаг вперед, Миггл застыл, и тогда им вдруг овладел ужас сомнения. Не сводя глаз с фигуры перед собой, он медленно отступил назад и, когда она шагнула к нему, разразился страшным криком:

– Барнс! Ради всего святого, вы ли это?

Отзвуки его голоса сотрясли воздух, но фигура перед ним не обращала на него никакого внимания. На миг он решился набраться мужества и выстоять перед ее приближением, но затем обернулся и с глухим криком бросился бежать.

Коридоры петляли, как лабиринт, и Миггл вслепую пробирался по ним в тщетных поисках лестницы. Если бы он мог спуститься и открыть парадную дверь...

У него перехватило дыхание: опять шаги! Звук тяжелой поступи разносился по пустынным коридорам, вперед и назад, вверх и вниз, как будто кто-то специально искал его. Он застыл от ужаса и, едва они приблизились, нырнул в маленькую комнату и встал за дверью, выжидая, пока они не минуют его. Тогда он вышел и как можно тише поспешил в противоположную сторону, но уже через мгновение шаги снова начали преследовать его. Миггл очутился в длинном коридоре и припустил по нему что было сил. Лестница, как он знал, находилась в конце, и, не обращая внимания на шаги, он кинулся вниз по ступеням. Шаги настигали его, и, не снижая скорости, он уклонился в сторону, чтобы пропустить их вперед.

И вдруг сорвался в бездну.

На другое утро Лестер проснулся и увидел, что комната залита солнечными лучами, а Уайт сидит на полу и с некоторым недоумением рассматривает свой палец, украшенный большим пузырем.

– Где же остальные? – спросил Лестер.

– Вероятно, ушли. Мы, должно быть, уснули.

Лестер встал и, расправив окоченевшие члены, смахнул руками пыль с одежды и вышел в коридор. Уайт последовал за ним. От шума их приближающихся шагов спавший все это время в другой части дома человек привстал, и они увидели лицо Барнса.

– Я, должно быть, заснул? – воскликнул он с удивлением. – Но я не помню, как пришел сюда. Каким образом я сюда попал?

– Хорошее же местечко вы выбрали себе для сна, ничего не скажешь! – отчитал его Лестер, указывая на пролом в перилах. – Посмотрите, еще шаг – и где бы вы тогда были, хотел бы я знать?

Он беспечно подошел к краю и заглянул вниз.

В ответ на его пронзительный крик к нему бросились остальные, и все трое в ужасе замерли при виде распростертого внизу покойника.

Исчезнувший корабль

Одним славным весенним утром в начале прошлого века в Тетби, маленьком порту на восточном побережье, намечался большой праздник. Торговцы оставили свои лавки, а рабочие – свой ежедневный труд, и все хлынуло на улицы, вливаясь в поток людей, стекавшихся к пристани.

По своему обыкновению Тетби был тихим и скучным местечком: на одном берегу сгрудилась крошечная кучка жилищ, а утесы другого усеивали домики с красными черепичными крышами.

Теперь же на каменной пристани, заваленной корзинами с рыбой и мотками канатов, замерла в ожидании толпа людей: ведь сегодня самый большой корабль, когда-либо построенный руками жителей Тетби, должен отправиться в свой первый рейс.

Пока они ждали, обсуждая предыдущие корабли Тетби, их создателей, плавание и судьбу, на благородном барке, стоявшем в гавани выше по реке, шевельнулось маленькое белое пятно. Собравшиеся на пристани все больше оживлялись, по мере того как поднимались остальные паруса и новый корабль стал медленно и степенно приближаться. Легкий бриз расправлял паруса и подгонял судно, сидевшее в воде, словно утка. Высокие мачты взмывали в небо, пробиваясь сквозь белые облака из парусины. Корабль прошел мет-

рах в двадцати от пристани, и мужчины возликовали, а женщины подняли на руки детей, чтобы те помахали ему на прощание, ведь весь экипаж, от капитана до юнги, состоял из сыновей Тетби, которые направлялись в далекие южные моря.

Выйдя из бухты, корабль несколько изменил курс и выгнулся, словно живой, под порывом морского ветра. Команда взобралась на такелаж и замахала бескозырками, посылая удаляющемуся Тетби воздушные поцелуи с покрытых сажей ладоней. В ответ им с берега слышались одобрителные грубоватые возгласы мужчин, в шуме которых потонули всхлипы расчувствовавшихся женщин.

Корабль провожали взглядом до тех пор, пока от попыток разглядеть крошечный белый треугольник на горизонте не стало темнеть в глазах. И вот, словно тающая снежинка, судно растворилось в воздухе, а жители Тетби – кто завидуя храбрости моряков, кто благодаря судьбу за то, что оставила их на безопасном тихом берегу, – разбрелись по домам.

Шли месяцы, и спокойная жизнь Тетби текла своим чередом. В порт приходили другие суда, с легкостью разгружались и загружались, затем снова отправлялись в путь. На верфи закладывался киль еще одного корабля, и постепенно пришло время, когда можно было с полным основанием ожидать возвращения «Гордости Тетби», как ее назвали.

Боялись, что судно прибудет ночью – холодной и безрадостной, когда жены и дети будудт мирно спать и, даже если

их поднять и привести на пристань, ничего не увидят, кроме отражения отличительных огней в воде и смутных очертаний корабля, осторожно крадущегося вверх по реке. Лучше, если он появится днем – сперва у горизонта, за которым когда-то скрылся, затем все больше приближаясь; славный крепкий корабль, пропитавшийся южными морями и южным солнцем. Вот уже видны члены его команды, столпившиеся у бортов и заворуженно смотрящие на Тетби. Сыновья, которые так выросли с тех пор.

Но корабль не появлялся. День за днем жители напрасно ждали его возвращения. Наконец стали поговаривать, будто он задержался в рейсе, а позднее – правда, только в кругу тех, у кого не было на борту ни родных, ни близких, – что он исчез.

Еще долго после того, как угасла всякая надежда, жены и матери, как и подобает их роду, смотрели и ждали на безрадостной пристани. Одна за другой они отступали и уходили, забывая о своих умерших и спеша позаботиться о живых. Младенцы выросли в крупных румяных мальчиков и девочек, мальчики и девочки – в парней и девушек, но, увы, ни весточки о сгинувшем корабле, ни слова о потерянной команде. Постепенно, год за годом, исчезнувший корабль стал легендой. Человек, который его построил, постарел и поседел, и время сгладило печали родственников пропавших моряков.

Темной промозглой сентябрьской ночью пожилая женщи-

на сидела у камина и вязала. Огонь был слаб и горел скорее для компании, чем ради тепла, создавая тем самым приятный контраст свистевшему снаружи ветру, который нес на своих крыльях шум волн, разбивавшихся о берег.

– Боже храни тех, кто сейчас в море, – с пылом проговорила старушка, когда дом сотряс порыв ветра сильнее прежнего.

Она положила вязание на колени и всплеснула руками, ведь в тот самый миг входная дверь распахнулась. Лампа вспыхнула, задымилась и тут же погасла. Старушка поднялась с кресла, и дверь захлопнулась.

– Кто здесь? – вскрикнула она.

Она была подслеповата, да и темнота обрушилась неожиданно, но ей показалось, что у двери кто-то стоит, и, схватив щепку с каминной полки, старушка поскорее поднесла ее к огню и заново зажгла лампу.

На пороге показался мужчина средних лет с искаженным бледным лицом, поросшим густой щетиной. Одежда его изорвалась в клочья, волосы топорщились, а светло-серые глаза запали и выглядели устало.

Пожилая женщина взглянула на него, ожидая, что тот заговорит. В конце концов он сделал шаг ей навстречу и произнес:

– Мама!

Громко вскрикнув, она бросилась к нему на шею и прижала к своей увядшей груди, покрывая его лицо поцелуя-

ми. Она не могла поверить глазам, ей казалось, что чувства обманывают ее, и она судорожно цеплялась за него руками, упрасывая сказать еще хоть слово, и плакала, и благодарила Бога, и смеялась одновременно.

Затем она опомнилась и, ковыляя, повела его к столу, усадила в старый виндзорский стул, достала из серванта дрожащими от волнения руками еду и питье и поставила перед ним. Он с жадностью набросился на снесь, а старушка молча наблюдала за ним, стоя рядом, чтобы вовремя наполнять его стакан домашним пивом. Несколько раз он хотел заговорить, и тогда она жестом заставляла его помолчать и сперва поест. От вида его бледного исхудавшего лица у нее наворачивались слезы и стекали по дряблым от старости щекам.

Наконец он отложил вилку и нож, допил эль и, поставив стакан на стол, дал ей понять, что закончил.

– Мальчик мой, – заговорила она надломленным голосом, – я думала, что ты давным-давно пропал вместе с «Гордостью Тетби».

Он покачал головой.

– Капитан, и команда, и славный корабль, – спросила она, – где они?

– Капитан... и команда, – начал сын, делая необъяснимо долгие паузы, – долгая история... эль ударил в голову. Они...

Он вдруг смолк и закрыл глаза.

– Где они? – не унималась мать. – Что случилось?

Он медленно открыл глаза.

– Я устал... до смерти устал. Совсем... не спал. Расскажу... утром.

Он снова клюнул носом, и старушка осторожно тронула его за плечо.

– Тогда ложись в постель. Твою старую постель, Джем. Она в том же виде, как и в тот день, когда ты ее оставил, все прибрано, и простыни свежие. Все это время она оставалась приготовленной для тебя.

Он неуверенно встал, покачиваясь из стороны в сторону. Его мать открыла дверь, взяла лампу и проводила его по крутой деревянной лестнице в комнату, которая была ему так хорошо знакома. Зайдя внутрь, он приобнял ее ослабевшими руками, поцеловал в лоб и устало опустился на кровать.

Пожилая женщина вернулась на кухню и, упав на колени, застыла на мгновение, исполненная благодарного и благочестивого экстаза. Когда она поднялась, то вспомнила о тех, других женщинах и, сорвав шаль с крючка у двери, выбежала на опустевшую улицу со своими вестями.

Спустя короткое время город был взбудоражен. Как дуновение надежды, молва перелетала из дома в дом. Двери, закрытые на ночь, распахнулись, из них выбегали удивленные дети, расспрашивая своих плачущих матерей, в чем дело. Размытые образы мужей и отцов, которых давно уже считали мертвыми, предстали перед ними настолько ясно, что они могли видеть на светлых лицах своих пропавших близких улыбки.

У дверей домика собралось несколько человек, остальные же поднимались по улице, принося с собой ненужную суматоху.

Но путь им решительно преградила старушка – та самая, на лице которой еще теплилась великая радость, вернувшаяся к ней на закате дней. Жажда новостей была неумемной, но она отказалась впускать соседей до тех пор, пока ее сын не поспит, и пусть в ее горле стоял ком, старушка теперь знала, что никто не оспорит ее вклада в «Гордость Тетби».

Женщины, которые ждали и наконец обрели спокойствие спустя столько лет, не могли выдержать еще и эти несколько часов. Их ожидание достигло пика отчаяния.

– О Господи! Живы ли остальные? Как он выглядел? Сильно постарел?

– Он был настолько измучен, что едва мог говорить, – ответила старушка. – Я расспрашивала его, но он не смог ответить. Дайте ему времени до рассвета, и мы все узнаем.

И они ждали, потому что не могли уйти домой и лечь спать. Время от времени женщины отходили вверх по улице, совсем недалеко, и, собираясь небольшими группами, с возбуждением обсуждали великое событие. Говорили, что остальную команду не иначе как выбросило на необитаемый остров и, без сомнения, скоро все к ним вернутся; все, кроме, возможно, одного или двух из тех, кто был совсем стар на момент отплытия корабля и, вероятно, за это время уже умер. Это произнесли в присутствии пожилой женщины, чей

муж, если все еще жив, сильно состарился за это время, и хотя ее губы дрожали, она спокойно улыбнулась и лишь ответила, что только ждет о нем вестей, вот и все.

Ожидание стало почти невыносимым. «Неужели он никогда не проснется? Неужели никогда не наступит рассвет?» Дети продрогли от холодного ветра, но взрослые не почувствовали бы и полярного мороза. Они ждали с растущим беспокойством и временами посматривали на двух женщин, державшихся немного поодаль: эти женщины вышли замуж во второй раз, и их мужья, как это ни странно, ждали вместе с ними.

Медленно тянулась изнуряющая ветреная ночь, а старушка, глухая к их мольбам, по-прежнему держала свою дверь запертой. Рассвет еще не наступил, пусть и часы, с которыми так часто сверялись, возвещали о его приближении. Оставалось еще совсем немного, и собравшиеся столпились у двери. Несомненно, предметы вокруг стали чуть более различимы. Можно было лучше разглядеть хмурые напряженные лица соседей.

Люди постучались в дверь, и глаза старушки наполнились слезами, когда она открыла им и увидела их лица. Не спрашивая разрешения и не встречая отпора, они наводнили маленький домик и столпились у входа.

– Сейчас я его приведу, – сказала старушка.

Если бы они могли слышать биение сердец друг друга, то шум был бы оглушительным, однако стояла полная тишина,

если не считать надрывных всхлипов одной из женщин.

Старушка открыла дверь, которая вела в спальню, и со свойственной пожилым осторожностью медленно поднялась по лестнице. Собравшиеся внизу слышали, как она тихо зовет своего сына по имени.

Прошло две или три минуты, и они увидели, как старушка спускается – одна. На лице ее не было ни улыбки, ни сожаления, она выглядела ошеломленной и сбитой с толку.

– Я не могу его разбудить, – жалобно пролепетала она. – Он так крепко спит. Он утомлен. Я трясла его за плечо, но он все не просыпается.

Когда она остановилась и с мольбой огляделась вокруг, другая пожилая женщина сжала ее руку и подвела старуху к стулу. Двое мужчин быстро поднялись по лестнице. Они отсутствовали совсем недолго, а затем спустились, огорченные и растерянные. В словах не было нужды. Женщины издали тихий, полный отчаяния стон, который подхватила, вторя ему, собравшаяся снаружи толпа. Ибо единственный человек, который мог вернуть упокоение их сердцам, избежав опасностей морских глубин, спокойно умер в своей постели.

Колодец

I

Двое мужчин, двоюродные братья, беседовали в бильярдной комнате старинного загородного дома. Унылая игра подошла к концу, и теперь они сидели возле открытого окна, глядя на раскинувшийся внизу парк, и вели праздный разговор.

– Осталось недолго, Джим, – произнес один из них. – Недель через шесть тебе все это наскучит, и ты будешь проклипать того, а точнее ту, кто выдумал медовые месяцы.

Джим Бенсон вытянул длинные ноги, устраиваясь в кресле, и что-то проворчал в качестве возражения.

– Никогда этого не понимал, – продолжал Уилфред Карр, зевая. – Такое мне не по нутру: на себя-то вечно денег не хватает, что уж говорить о двоих. Будь я богат, словно Крез, быть может, я придерживался бы иного мнения.

В последних словах заключался особый смысл, поэтому кузен предпочел воздержаться от ответа. Он продолжил смотреть в окно и медленно курить.

– Я не так богат, как Крез... или ты, – подытожил Карр, наблюдая за ним из-под прищуренных век, – я устремляю свою одинокую лодку по реке Времени и, привязывая ее у

дверей то одного, то другого приятеля, вкушаю их обеды.

— Будто в Венеции, — заметил Джим Бенсон, по-прежнему глядя в окно. — Вот и славно, Уилфред, что у тебя есть эти двери, обеды... и друзья.

Карр хмыкнул.

— А все-таки, если серьезно, Джим, — медленно произнес он, — повезло тебе, очень повезло. Будь на свете девушка лучше Олив, хотел бы я на нее посмотреть.

— Да, — тихо согласился его собеседник.

— Она необыкновенная, — продолжал Карр, уставившись в окно. — Добрая, нежная. Думает, что ты — сочетание всех возможных добродетелей.

Он искренне и весело рассмеялся, но Бенсон промолчал.

— При этом она четко различает, что хорошо, а что — плохо, — задумчиво добавил Карр. — Знаешь, мне кажется, что если бы она узнала, что ты совсем...

— Что «совсем»? — с ожесточением переспросил Бенсон, поворачиваясь к нему. — Что «совсем»?

— ...не такой, каким кажешься, — закончил его кузен с ухмылкой, которая противоречила словам, — думаю, она бы тебя бросила.

— Давай поговорим о чем-нибудь другом, — тихо предложил Бенсон. — Твои шутки порой не отличаются хорошим вкусом.

Уилфред Карр поднялся и, взяв кий со стойки, сделал парочку излюбленных ударов.

– Единственное, о чем я в данный момент могу говорить, так это о своих финансах, – медленно произнес он, огибая стол.

– Давай поговорим о другом, – резко повторил Бенсон.

– А эти две темы связаны, – заметил Карр и, положив кий, присел на краешек стола и поднял взгляд на кузена.

Последовала долгая пауза. Бенсон выбросил окуроч сигары в окно и откинулся на спинку кресла, прикрыв веки.

– Понимаешь, о чем я? – наконец спросил его Карр.

Бенсон открыл глаза и кивнул в сторону окна:

– Хочешь отправиться вслед за сигарой?

– Ради твоего же блага я бы предпочел уйти обычным путем, – невозмутимо отвечал Уилфред. – Если я выйду через окно, люди начнут задавать разные неудобные вопросы, а ты ведь знаешь, я человек разговорчивый.

– Пока речь не заходит о моих деньгах, – возразил Бенсон, с видимым усилием сдерживаясь, – можешь говорить, сколько тебе угодно.

– Я в затруднительном положении, – медленно произнес Карр, – чертовски затруднительном. Если в течение двух недель не раздобуду полторы тысячи, то буду вынужден подыскивать новое жилье, причем лучше бесплатное.

– И что изменится? – спросил Бенсон.

– Комфорт будет не тот, – пояснил кузен, – да и адрес похуже. А если серьезно, Джим, одолжишь мне полторы тысячи?

– Нет, – коротко ответил Бенсон.

Карр побледнел.

– Это спасло бы меня от разорения, – хрипло произнес он.

– Я тебе так часто помогал, что мне надоело, – заявил Бенсон, поворачиваясь к нему лицом. – Все было без толку. Если запутался – сам и выбирайся. Не будешь в следующий раз направо и налево раздавать расписки.

– Глупо, признаю, – согласился Карр. – Больше не буду. Кстати, есть у меня кое-какие расписочки на продажу... Нечего усмехаться. Они не мои.

– И чьи же? – любопытно спросил его кузен.

– Твои.

Бенсон встал с кресла и подошел к нему.

– Это что? – тихо спросил он. – Шантаж?

– Называй, как хочешь, – сказал Карр. – Я собираюсь продать несколько писем, цена – полторы тысячи. Более того, я знаю, что один человек выложит за них эту сумму, лишь бы получить хоть какой-нибудь шанс увести у тебя Олив. Первое предложение я делаю тебе.

– Если у тебя есть письма, подписанные мной, то будь любезен их вернуть, – очень медленно произнес Бенсон.

– Они принадлежат мне, – беспечно возразил Карр. – Получил их от особы, которой ты писал. Должен признать, что не все они выдержаны в рамках приличий.

Бенсон вдруг рванулся вперед и, схватив его за воротник, пригнул к бильярдному столу.

– Отдай письма! – выдохнул он прямо в лицо Карру.

– Они не при мне! – Тот попытался высвободиться. – Я же не дурак. Отпусти, а то подниму цену.

Бенсон приподнял его своими могучими руками над столом, намереваясь, по всей видимости, разmozжить братцу голову. Его хватка внезапно ослабла, когда в комнату вошла испуганная служанка с почтой. Высвободившись, Карр поспешил сесть.

– Вот как это произошло, – произнес Бенсон, разыгрывая сцену перед служанкой и забирая у нее письма.

– Теперь меня не удивляет, что за такой поступок ему пришлось заплатить, – подхватил Карр.

– Отдашь письма? – с нажимом спросил Бенсон, едва девушка покинула комнату.

– Да, по названной цене, – подтвердил Карр, – но я живой человек, и, если ты еще раз вот так схватишь меня своими ручищами, я ее точно удвою. Что ж, оставляю тебя на время, обдумай все хорошенько.

Он взял из коробки сигару и, неторопливо прикурив ее, вышел. Его кузен дождался, пока за ним закроется дверь, и в приступе тихой и оттого еще более ужасной ярости сел у окна.

Воздух из парка, напоенный ароматом свежескошенной травы, был нежен и свеж, теперь к нему добавилась нотка дыма сигары. Глянув вниз, Бенсон увидел, как двоюродный братец не спеша уходит прочь. Он встал и подошел к две-

ри, а затем, будто передумав, вернулся к окну и продолжил наблюдать, как фигура Карра медленно удаляется в лунном свете. Затем он снова поднялся и стремительно вышел, после чего комната на долгое время осиротела.

Она была все еще пуста, когда немного позже миссис Бенсон по пути в свою спальню вошла к сыну, чтобы пожелать ему спокойной ночи. Она медленно обогнула стол и, остановившись у окна, стала безучастно смотреть в него, пока не увидела фигуру Джима, который быстрыми шагами приближался к дому. Он поднял голову и взглянул на окно.

– Спокойной ночи, – произнесла миссис Бенсон.

– Спокойной ночи, – глухо отозвался сын.

– А где Уилфред?

– О, он покинул нас, – сказал Бенсон.

– Покинул?

– Мы обмолвились парой слов; он снова хотел денег, и я дал ему понять, что думаю по этому поводу. Не уверен, что мы снова его увидим.

– Бедный Уилфред! – вздохнула миссис Бенсон. – Вечно у него какие-то неприятности. Надеюсь, ты не был с ним слишком резок.

– Не больше, чем он заслуживал, – твердо ответил ей сын. – Доброй ночи.

II

Колодец, давно пришедший в негодность, прятался в густых зарослях кустарника, буйствовавшего в этом углу старого парка. Его частично закрывала усохшая половина крышки, и ржавая лебедка издавала над ним скрип, сопровождаемый музыкой сосен, когда дул сильный ветер. Солнечный свет никогда не проникал сюда; земля вокруг была влажной и зеленой, в то время как другие части парка томились от жары.

Два человека не спеша шли через парк в хрупкой тишине летнего вечера, направляясь в сторону колодца.

– Чего ради продираться через эти заросли, Олив? – спросил Бенсон, останавливаясь у кромки сосновой рощи и с некоторым недовольством глядя во мрак.

– Это лучшее место в парке, – воскликнула девушка. – Ты знаешь, что это мой излюбленный уголок.

– Я знаю, тебе нравится сидеть там на самом краю, – произнес он, – и не одобряю этого. Однажды ты наклонишься слишком низко и упадешь.

– И познаю Истину, – легкомысленно бросила Олив. – Идем же.

Она опередила его и скрылась в тени сосен; под ее ногами зашелестел папоротник. Ее спутник медленно последовал за ней и, выйдя из полумрака, увидел, что Олив изящно распо-

ложились на краю колодца, спрятав ноги в окружающей густой траве. Она жестом пригласила Бенсона занять место рядом и ласково улыбнулась, почувствовав, как он крепко обнял ее за талию.

– Обожаю это место, – прервала она долгое молчание, – оно такое мрачное... такое жуткое. Знаешь, Джим, я бы не отважилась сидеть здесь в одиночестве. Мне бы мерещилось, что за этими кустами и деревьями прячутся всевозможные чудища, готовые броситься на меня. Бр-р!

– Лучше позволь проводить тебя домой, – с нежностью предложил Бенсон. – Порой рядом с колодцем может стать дурно, особенно в жаркую погоду. Давай уйдем отсюда.

Девушка упрямо покачала головой и устроилась поудобнее.

– Кури спокойно свою сигару, – тихо сказала она. – Здесь самое место для неторопливой беседы. Об Уилфреде что-нибудь слышно?

– Ничего.

– Какое неожиданное исчезновение, не находишь? – продолжала она. – Полагаю, у него снова неприятности, и скоро ты получишь от него письмо в прежнем ключе: «Дорогой Джим, выручи меня».

Джим Бенсон выпустил облачко ароматного дыма и, зажав сигару зубами, стряхнул пепел с рукавов пиджака.

– Интересно, что бы он без тебя делал, – задумчиво произнесла девушка, с нежностью погладив его руку. – Ду-

маю, давно оказался бы на самом дне. Когда мы поженимся, Джим, я непременно возьму на себя обязанность читать ему нотации. Он настоящий дикарь, но у бедолаги есть и хорошие качества.

– Никогда их не замечал, – с удивительной горечью признался Бенсон. – Видит Бог: никогда.

– Он враг лишь самому себе, не больше, – возразила девушка, пораженная этой вспышкой.

– Ты плохо его знаешь, – резко отозвался тот. – Он готов был опуститься до шантажа, разрушить жизнь друга ради собственной выгоды. Бездельник, трус и лжец!

Девушка с серьезным видом посмотрела на него, но затем робко взяла его за руку, не говоря ни слова. Они молча сидели, наблюдая за тем, как вечер сменяется ночью и лучи лунного света, пробивающиеся сквозь ветви сосен, окружают их серебристой сетью. Олив опустила голову на плечо Бенсону, но вдруг с пронзительным вскриком вскочила на ноги.

– Что это? – задыхаясь, спросила она.

– О чем ты? – переспросил Бенсон, вскакивая и крепко сжимая ее руку.

Она вдохнула полной грудью и попыталась рассмеяться.

– Джим, ты делаешь мне больно.

Его хватка ослабла.

– Что случилось? – ласково спросил он. – Что тебя так взволновало?

– Я испугалась, – проговорила она, обвивая руками его

плечи. — Должно быть, те слова, что я сейчас произнесла, еще звенели эхом в ушах, но мне померещилось, будто позади нас кто-то прошептал: «Джим, выручи меня».

— Померещилось, — повторил Бенсон, и голос его дрогнул. — Твоя впечатлительность не идет тебе на пользу. Ты... напугана... темнотой и мрачностью этой рощи. Позволь мне проводить тебя домой.

— Да нет же, мне не страшно, — заверила его девушка, возвращаясь на прежнее место. — Мне вовсе нечего бояться, пока ты со мной, Джим. Сама удивляюсь, как могла быть такой глупой.

Мужчина ничего не ответил. Его крепкая, окутанная полумраком фигура замерла в нескольких метрах от колодца, и он словно ждал, когда Олив пойдет за ним.

— Не изволите ли присесть? — в шутку крикнула она ему, похлопывая маленькой белой ручкой по каменной кладке. — Можно подумать, что вам не по душе моя компания.

Он нехотя подчинился и сел возле нее, с такой силой вдыхая дым сигары, что огонек освещал его лицо при каждой затяжке. Он оперся ладонью на камень позади Олив, чтобы она могла прильнуть к его сильной и твердой, как сталь, руке, словно к спинке.

— Тебе не холодно? — заботливо спросил он, когда Олив слегка поежилась.

— Еще как! — Она вздрогнула. — В это время года не должно быть холодно, просто из колодца тянет сыростью.

Едва она произнесла эти слова, из глубины донесся слабый всплеск, и второй раз за вечер она спрыгнула с кромки колодца с тревожным вскриком.

– А сейчас что? – спросил Бенсон изменившимся голосом. Он стоял рядом и глядел на колодец, словно ожидая, когда же оттуда появится то, что ее испугало.

– О, мой браслет! – горестно воскликнула Олив. – Браслет моей бедной матушки. Я уронила его в колодец.

– Твой браслет, – монотонно повторил Бенсон. – Твой браслет! Тот, что с бриллиантами?

– Тот, что принадлежал моей матери, – сказала она. – Но мы его, конечно же, достанем. Нужно осушить колодец.

– Твой браслет! – тупо повторил Бенсон.

– Джим! – с испугом в голосе окликнула его Олив. – Джим, милый, да что с тобой?

Он смотрел на нее с ужасом. Лунный свет, озарявший искаженные черты его лица, не был единственной причиной его бледности, и Олив испуганно отшатнулась к самому краю колодца. Заметив ее страх, он с немалым усилием вернул себе самообладание и взял ее за руку.

– Бедняжка, – пробормотал он, – ты перепугала меня. Я не смотрел на тебя, когда ты закричала, и я подумал, что ты выскальзываешь из моих объятий и падаешь вниз... вниз...

Голос его дрогнул, и девушка бросилась к нему и судорожно стиснула его плечи.

– Ну, ладно, будет тебе, – произнес он с нежностью. – Не

плачь, не надо.

– Завтра, – пообещала Олив, смеясь сквозь слезы, – мы принесем сюда леску с крючком и выудим его. Это будет довольно необычный вид спорта.

– Нет, нужно найти какой-нибудь другой способ, – возразил Бенсон. – Но ты получишь его обратно.

– Каким образом? – спросила девушка.

– Увидишь, – ответил Бенсон. – Браслет вернется к тебе не позднее завтрашнего утра. А пока пообещай мне, что никому не скажешь о своей потере. Обещай.

– Обещаю, – удивилась Олив. – Но почему нет?

– Во-первых, браслет очень дорогой, а еще... еще много причин. К тому же это моя обязанность – достать его для тебя.

– Ты не собираешься прыгнуть в колодец за ним? – лукаво спросила она. – Послушай...

Она наклонилась, подобрала камешек и бросила его вниз.

– Представь, что очутился там, где он сейчас, – произнесла она, глядя в черноту, – представь, что плаваешь кругами, как мышь, тонущая в кадке, цепляешься за склизкие стены, вода проникает в рот, а ты смотришь вверх, на маленький клочок неба над головой.

– Пойдем-ка лучше домой, – предложил он очень тихо. – У тебя развивается вкус к болезненному и ужасному.

Девушка взяла его за руку, и они медленно пошли к дому; миссис Бенсон сидела на веранде и поднялась, чтобы встре-

тить их.

– Не стоило тебе утомлять ее такой долгой прогулкой, – упрекнула она его. – Где вы были?

– Сидели у колодца, – ответила Олив с улыбкой. – Обсуждали планы на будущее.

– Не нравится мне это место, – решительно заявила миссис Бенсон. – Мне кажется, колодец нужно засыпать, Джим.

– Хорошо, – медленно ответил ей сын. – Жаль, что его не засыпали давным-давно.

Когда мать вместе с Олив ушли в дом, он присел на стул и, безвольно свесив руки, погрузился в раздумья. Через некоторое время он встал, поднялся в кладовку, отведенную для спортивного инвентаря, отыскал рыболовную леску и несколько крючков и, тихо крадучись, спустился. Он быстро пересек парк, направляясь к колодцу, и обернулся посмотреть на освещенные окна дома, прежде чем исчезнуть в тени деревьев. Затем, привязав к леске крючок, он сел на край колодца и с опаской стал опускать ее вниз.

Он сидел, поджав губы, то и дело испуганно озираясь по сторонам, словно почти ожидал увидеть, что кто-то наблюдает за ним, прячась среди деревьев. Раз за разом он забрасывал леску, пока наконец, дергая ее, не услышал, как что-то металлическое звякнуло о стену колодца.

Он затаил дыхание и, забыв свои страхи, принялся осторожно доставать леску, боясь упустить драгоценную добычу. Сердце его учащенно билось, а глаза сверкали. Медлен-

но вытягивая леску, он увидел попавший на крючок улов и резким движением выдернул остававшийся отрезок. Тогда он увидел, что вместо браслета выловил связку ключей.

Со слабым вскриком он сорвал ее с крючка, бросил обратно в воду и застыл, тяжело дыша. Ни единый звук не нарушал ночную тишину. Бенсон прошелся из стороны в сторону, разминая крепкие мускулы, затем вернулся к колодцу и продолжил работу.

Более часа он опускал и поднимал леску, но все безрезультатно. Увлечшись, он забыл про страх и, сосредоточенно глядя в недра колодца, медленно и осторожно продолжал ловлю. Дважды крючок за что-то цеплялся, и высвободить его удавалось с трудом. На третий раз леску и вовсе не получилось достать, несмотря на все его усилия. Тогда он бросил ее в колодец и, опустив голову, побрел к дому.

Сначала он заглянул в конюшню, расположенную на задворках, а после вернулся в комнату и некоторое время беспокойно ходил из стороны в сторону. Наконец он, не раздеваясь, рухнул на кровать и погрузился в тревожный сон.

III

Задолго до того, как пробудились остальные, Бенсон встал и неслышно прокрался вниз. Солнечные лучи пробивались в каждую щель и длинными полосами пересекали темные комнаты. Столовая, в которую он заглянул, показалась ему холодной и безрадостной в темно-желтом свете, который проникал сквозь задернутые шторы. Он вспомнил, что все выглядело точно так же, как и в тот день, когда в доме лежал его покойный отец; сейчас, как и тогда, все казалось жутким и нереальным; даже стулья, стоявшие там же, где их оставили накануне вечером, словно бы с мрачным видом обменивались между собой идеями.

Медленно и бесшумно он отворил входную дверь и окунулся в благоухание утра. Солнце освещало покрытую росой траву и листву деревьев, а белый туман, медленно рассеиваясь, дымкой клубился по земле. На мгновение он замер, глубоко вдыхая сладкий утренний воздух, а затем медленно зашагал в сторону конюшен.

Скрип ржавой рукоятки насоса и брызги воды во дворе, вымощенном красной плиткой, свидетельствовали о том, что не он один уже проснулся, и, сделав еще несколько шагов, он увидел мускулистого мужчину с песочного цвета волосами, который ловил ртом воздух, подвергая себя самоистязанию у насоса.

– Все готово, Джордж? – негромко спросил Бенсон.

– Да, сэр, – ответил тот, внезапно выпрямившись и потирая лоб. – Боб как раз делает последние приготовления. Хорошее утро для купания. Вода в колодце, должно быть, прямо-таки ледяная.

– Постарайся управиться как можно быстрее, – нетерпеливо велел Бенсон.

– Непременно, сэр, – сказал Джордж, ожесточенно растирая лицо небольшим полотенцем, брошенным на колонку. – Боб, поторопись!

В ответ на его призыв в воротах конюшни появился человек с мотком крепкой веревки через плечо и тяжелым металлическим подсвечником в руке.

– Просто чтобы проверить, есть ли там воздух, – пояснил Джордж, проследив за взглядом хозяина. – Он в колодцах, бывает, совсем скверный, но если свеча внизу протянет, то и человек тоже.

Хозяин кивнул и побрел к колодцу, и слуга, торопливо натягивая рубашку через голову и просовывая руки в рукава куртки, последовал за ним.

– Прошу прощения, сэр, – сказал Джордж, пристраиваясь рядом, – но вы сегодня не слишком-то хорошо выглядите. С вашего позволения, я бы с радостью мог и сам окунуться.

– Нет-нет, – ответил Бенсон тоном, не допускавшим возражений.

– Негоже вам спускаться туда, сэр, – настаивал спутник. –

Никогда не видел, чтобы у вас был такой вид. Вот если...

– Занимайся своим делом, – отрывисто перебил хозяин.

Джордж умолк, и они втроем пошли, шагая в ногу, по высокой мокрой траве к колодцу. Боб бросил веревку на землю и, повинувшись знаку хозяина, протянул ему подсвечник.

– Вот бечевка для него, – произнес Боб, пошарив в карманах.

Бенсон взял ее и тщательно привязал к подсвечнику. Затем он поставил его на край колодца, чиркнул спичкой, зажег свечу и стал медленно спускать ее вниз.

– Держите крепко, сэр, – быстро предупредил Джордж, придерживая его руку. – Свечку нужно спускать под наклоном, иначе веревка прогорит.

Едва он произнес эти слова, бечевка лопнула, и подсвечник упал в воду.

Бенсон выругался себе под нос.

– Я мигом принесу еще один, – сказал Джордж, собираясь сбегать обратно.

– Не стоит, с колодцем все в порядке, – заявил Бенсон.

– Это не займет много времени, сэр, – возразил слуга, оборачиваясь.

– Кто тут хозяин, ты или я? – прохрипел Бенсон.

Джордж нехотя вернулся, прикусив язык, стоило ему лишь посмотреть на лицо хозяина. Он встал в стороне, угрюмо наблюдая, как тот сел у колодца и принялся снимать верхнюю одежду. Закончив с приготовлениями, Бенсон с мрач-

ным видом выпрямился и уперся руками в бока. Парни с любопытством смотрели на него.

– Лучше бы вы меня пустили, сэр, – набравшись храбрости, обратился к нему Джордж. – Негоже вам спускаться, у вас лихорадка или что-то навроде того. Не удивлюсь, если тифозная. У них в деревне с этим беда.

Мгновение Бенсон глядел на него со злостью, но затем взгляд его потеплел.

– Не в этот раз, Джордж, – произнес он тихо.

Он взялся за петлю на конце веревки, закрепил ее под мышками и, присев на край, перекинул одну ногу через стенку колодца.

– Что дальше, сэр? – поинтересовался Джордж, взявшись за веревку и знаком показывая Бобу сделать то же самое.

– Я крикну, как только доберусь до воды, – ответил Бенсон. – Затем быстро отмерьте еще метр, чтобы я смог достать до самого дна.

– Отлично, сэр, – хором ответили они.

Хозяин перебросил и вторую ногу через край и некоторое время сидел молча, спиной к слугам, склонив голову и глядя вниз. Он сидел так долго, что Джорджу стало не по себе.

– Все хорошо, сэр? – осведомился он.

– Да, – помедлив, подтвердил Бенсон. – Если я дерну за веревку, Джордж, сразу же тяните обратно. Начнем спуск.

Слуги размеренно травили веревку, пока глухой крик из темноты и слабый всплеск не дали им знать, что он достиг

поверхности воды. Они отсчитали еще метр и остановились в ожидании, ослабив хватку и напряженно прислушиваясь.

– Он нырнул, – тихо произнес Боб.

Джордж кивнул и, поплевав на широкие ладони, крепче перехватил веревку.

Прошла целая минута, и мужчины уже стали обмениваться тревожными взглядами. Вдруг мощный рывок чуть было не выдернул у них веревку из рук, а за ним последовали рывки послабее.

– Тащи! – завопил Джордж, упираясь одной ногой и отчаянно вцепившись в веревку. – Тащи! Тащи! Он застрял, не поднимается, ТАЩИ-И-И!

Благодаря их непомерным усилиям веревка медленно поползла вверх, сантиметр за сантиметром, пока наконец не послышался всплеск, и в то же мгновение крик невыразимого ужаса эхом пронесся по колодезной шахте.

– Какой же он тяжелый! – выдохнул Боб. – Он за что-то крепко зацепился. Спокойно, сэр, ради бога, спокойно!

Туго натянутая веревка неистово задергалась под тяжестью груза на другом ее конце. Задыхаясь от напряжения, они медленно, но верно тянули веревку на себя.

– Еще чуть-чуть, сэр! – крикнул Джордж, подбадривая хозяина.

Он уперся одной ногой в стенку колодца и решительно продолжал работу; ноша была уже почти наверху. Еще одно усилие, резкий рывок – и через край показалось лицо мерт-

веща, покрытое грязью. За ним появилось и мертвенно-бледное лицо хозяина, но Джордж увидел его слишком поздно: с отчаянным криком он отпустил веревку и отскочил прочь. От неожиданности Боб опрокинулся на спину, и веревка вырвалась у него из рук. Раздался страшный всплеск.

– Дурень! – ахнул Боб и беспомощно рванулся к колодцу.

– Беги! – заорал Джордж. – Беги за другой веревкой!

Его помощник с диким воплем бросился бежать в сторону конюшни, а Джордж свесился через каменную кладку и громко крикнул, вглядываясь в темноту. Голос его эхом отозвался в глубинах колодца, и наступила тишина.

Кораблекрушение

Миссис Джон Боксер стояла в дверях своего магазина, скрестив руки на груди. Короткий день уже клонился к концу, и на оживленных узких улочках маленького городка Шинглси уже горели фонари. Некоторое время она прислушивалась к размеренному биению волн, доносившемуся с расположенного в полумиле пляжа, а затем, слегка поежившись, вернулась в дом и закрыла за собой дверь.

Небольшой магазин с его полными сладостей банками был хорошо знаком ей с самого раннего детства. До замужества она не знала другого жилища, и, когда муж ее три года назад погиб в море вместе с «Полярной звездой», она переехала из Поплара к матери, чтобы помогать ей в торговле.

Охваченная непонятной тревогой, она попробовала приняться за шитье, но минуты через две бросила его. Через небольшую стеклянную дверь ей была видна маленькая гостиная, где ее мать, миссис Джимпсон, закутавшись в красную шаль, спала в своем кресле.

Миссис Боксер обернулась на звон колокольчика и, дико вскрикнув, уставилась на человека, появившегося в дверях магазина. Это был мужчина небольшого роста, с длинной бородой, странной формы плечами, а его левая нога выглядела явно короче правой, однако миссис Боксер тут же бросилась в его объятия, плача и смеясь одновременно.

Миссис Джимпсон, все еще не пришедшая в себя после внезапного пробуждения, вошла в магазин; мистер Боксер высвободил руку и, обхватив ее за талию, ласково поцеловал в подбородок.

– Он вернулся! – в исступлении воскликнула миссис Боксер.

– Слава богу, – с некоторой запинкой произнесла миссис Джимпсон.

– Он жив! – не унималась миссис Боксер. – Он жив!

Она практически втащила его в маленькую гостиную и, усадив в мягкое кресло, недавно освобожденное миссис Джимпсон, уселась к нему на колени, не обращая в своем волнении никакого внимания на то, что законной владелице пришлось довольствоваться самым неудобным креслом в комнате.

– Неужели ты и правда вернулся! – воскликнула миссис Боксер, вытирая слезы. – Как же ты спасся, Джон? Где ты был? Расскажи нам все.

Мистер Боксер вздохнул.

– Если б я умел складно рассказывать, – медленно начал он, – вышла бы длинная история, но пока я передам вам все вкратце. Когда «Полярная звезда» стала тонуть, большая часть экипажа спаслась на лодках, но я не успел. Мне что-то упало сверху на макушку. Вот, посмотрите.

Он наклонил голову, и миссис Боксер, раздвинув короткие волосы пальцами, жалобно вскрикнула, встревоженная

размерами шрама; миссис Джимпсон наклонилась вперед и издала звук, который мог означать все что угодно – даже жалость.

– Когда я пришел в себя, – продолжал мистер Боксер, – судно почти совсем погрузилось в воду, и едва я поднялся на ноги, как оно пошло ко дну. Сам не знаю, как мне удалось спастись. Мне казалось, что я целую вечность барахтался, чтобы выбраться опять на поверхность, и, очутившись наверху, я уцепился за какой-то обломок. Всю ночь я держался за него, а на следующее утро житель местного племени проплывал мимо на каноэ и отвез меня на остров, где я прожил почти два года. Наконец мне удалось выбраться оттуда и попасть на торговое судно «Жемчужина», которое шло в Сидней. В Сиднее я пересел на пароход «Марстон Тауэрс» и сегодня утром прибыл сюда.

– Бедный Джон! – воскликнула его жена, не выпуская руки мужа. – Как ты, должно быть, страдал!

– Да, страдал я немало, – согласился мистер Боксер. – Мамаша что, простыла? – спросил он, посмотрев на пожилую леди.

– Нет, с чего это вы взяли, – ответила за себя миссис Джимпсон, – почему вы не написали, когда добрались до Сиднея?

– Я не знал, куда писать, – ответил мистер Боксер, прищурившись, – не имел понятия, куда уехала Мэри.

– Могли бы написать и сюда, – заметила миссис Джимп-

сон.

– Да, но тогда я об этом не подумал, – отозвался мистер Боксер. – Одно верно, что в Сиднее я был очень занят, отыскивая нужный корабль. К тому же теперь я здесь.

– Я наперед знала, что однажды вы объявитесь, – произнесла миссис Джимпсон. – Я в этом не сомневалась. Мэри уж было подумала, что вы погибли, но я сказала ей: «Нет, помяни мое слово».

Миссис Джимпсон проговорила это с такой интонацией, что произвела на слушателей неблагоприятное впечатление. Впечатление это только усилилось, когда после короткого сухого смешка без всякой видимой причины она снова шмыгнула носом – трижды.

– Оказалось, что вы были правы, – коротко заметил мистер Боксер.

– Я всегда права, – прозвучал ответ. – Уж меня-то не обманешь.

Она снова шмыгнула носом.

– А жители племени хорошо с тобой обращались? – поспешила вмешаться миссис Боксер, повернувшись к мужу.

– Очень хорошо, – ответил тот. – Ах! Видела бы ты только этот дивный остров. Прекрасные песчаные пляжи и пальмы; всюду кокосы – собирай не хочу, целый день нечего делать, разве что лежать на солнце да купаться в море.

– А кабаки там были? – поинтересовалась миссис Джимпсон.

– Нет, конечно! – воскликнул ей в ответ зять. – Ведь это же маленький островок, один из множества на юге Тихого океана.

– А как, говорите, называлось торговое судно? – спросила миссис Джимпсон.

– «Жемчужина», – повторил мистер Боксер с обиженным видом свидетеля на перекрестном допросе.

– И как там, стало быть, звали капитана? – не унималась она.

– Томас-Генри-Уолтер Смит, – довольно неприятным образом отчеканил мистер Боксер.

– Ну а штурмана?

– Джон Браун, – прозвучал ответ.

– Распространенные имена, – заметила миссис Джимпсон, – крайне распространенные. И все же я знала, что вы вернетесь целым и невредимым, – никогда в этом не сомневалась. «Он жив-здоров, дорогуша, и все у него хорошо, – говорила я ей. – Когда надо будет, явится как миленький».

– Что вы хотите этим сказать? – воскликнул задетый за живое мистер Боксер. – Я вернулся, когда смог.

– Но ведь и ты, мама, волновалась, – заметила миссис Боксер. – Ну да, это же ты настаивала, чтобы пойти спросить старика Сильвера.

– О, зато потом я уже больше не беспокоилась, – многозначительно ответила мать.

– Кто этот старик Сильвер и откуда ему об этом знать? –

спросил мистер Боксер.

– Он предсказывает будущее, – ответила его жена.

– И по звездам читает, – добавила теща.

Мистер Боксер лишь рассмеялся в ответ – рассмеялся звонким заливистым смехом.

– Ну и что он вам поведал? – спросил он.

– Ничего, – тут же ответила жена.

– Вот как! – усмехнулся мистер Боксер. – Что ж, очень умно с его стороны. Так и мы бы все могли гадать.

– Неправда, – возразила миссис Джимпсон дочери, – уж если говорить – так говорить до конца. Он сказал, что знает, где Джон и что он делает, но нам не расскажет, потому что не хочет ранить наши чувства и доставлять нам неудобства.

– Вот оно что! – воскликнул мистер Боксер, вскакивая с места. – Ну все, с меня хватит. Почему вы не говорите прямо? Уж я-то ему доставлю неудобства, этому старому мошеннику. Вот ведь шельмец!

– Не волнуйся ты так, Джон, – попыталась успокоить его жена. – Ты цел и невредим, а что до старика Сильвера, так ему мало кто верит.

– Ну да, потому что не хотят, – не успокаивалась миссис Джимпсон. – Только не забывай, как он той зимой предрек, что у меня будет кашель.

– Вот что я вам скажу, – заявил мистер Боксер, скривив нос настолько, насколько позволяла данная ему от природы курносость. – Я изложил вам свою историю, и у меня есть

свидетели, которые могут подтвердить мои слова. Если хотите, можете написать капитану «Марстон Тауэрс» и другим лицам. Что ж, раз нет, то пойдемте к вашему ненаглядному старику-ясновидящему. Ни к чему говорить, кто я такой; скажете, что я ваш хороший знакомый. Попросите его не волноваться о неудобствах и прямо ответить, где я и чем все это время занимался. Будем надеяться, мне удастся излечить вас от суеверия.

– Пойдем сразу после того, как закроем лавку, мама, – решила миссис Боксер. – Сперва подкрепимся немного, как раз пораньше выйдем.

Никому не нравится позволять скептикам проверять свои суеверия на прочность, однако теперь, когда миссис Джимпсон заняла твердую позицию, ей крайне неприятно было бы позволить зятю одержать победу.

– Не будем больше об этом, – аккуратно заметила она, – но все же я останусь при своем мнении.

– Верно, – ответил мистер Боксер, – а все же вы боитесь идти с нами к вашему старику-чародею. Когда еще у него будет столько гостей?

– Не пытайтесь меня поддеть, Джон Боксер, вам это все равно не удастся, – заметила она дрожащим от негодования голосом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.